

Искорка 10

1974

ОКТЯБРЬ • 1974

год издания XVIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

Рис. А. Соколова

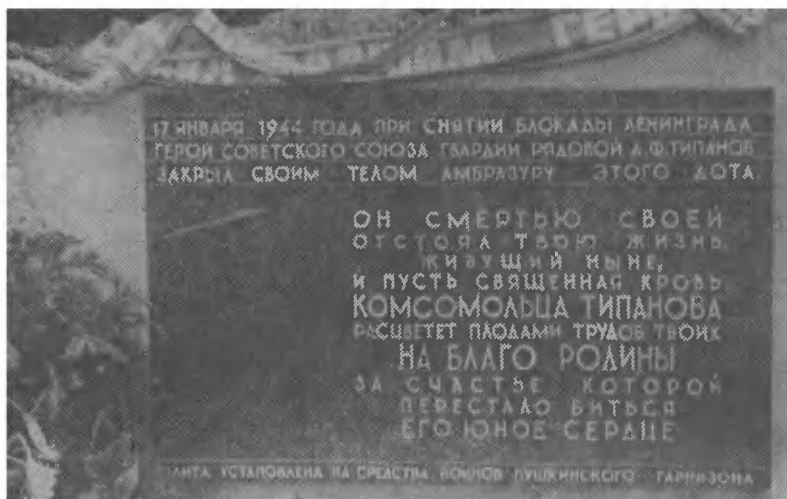

Е. ФЕЙЕРАБЕНД

Самоцвет

Ты найдёшь или нет
Дорогой самоцвет,
Предсказать-угадать невозможно.
Где он? В дальнем ложе
Притаился в песке?
Или моется в речке таёжной?
Может, он в вышине —
На отвесной стене,
Или в трещине, мрачной и тесной,
Под горою залёг,
Ясный, как уголёк.
Близок или далёк — неизвестно!
Но и то хорошо,
Что искать ты пошёл.
Может, камня любого дороже
Воля к трудным делам,
Вера: «Сделаю сам!...»
Ну, а храброму всякий поможет.
Если вышел — иди,
Твой успех впереди.
Но и дальше будь смелым, как
начал.

Всем, кто в трудном пути,
Всем, кто хочет найти,
От души я желаю удачи!

ДО ПОСЛЕДНЕГО ШАГА...

24 октября Герою Советского Союза Александру Типанову исполнилось бы 50 лет...

Помните песню о Безымянной высоте? А эта на фронтовых картах была обозначена цифрой 112. Всего точка на бумаге. Но как важно было взять её тогда, в январе 1944 года. Отсюда Ленинград просматривается как на ладони.

Гитлеровцы укрепились на высоте, вгрызлись в землю, построили мощные доты. Тяжёлые плиты бетона, скреплённые железной арматурой, надёжно укрыли зарывшихся в землю вражеских пулемётчиков. А перед дотом ровное поле. Ни подползти незаметно к доту, ни гранатой достать...

Наши части наступали. Они шли на прорыв блокады, двигаясь к Красному Селу.

Рядовой Александр Типанов был в первой цепи бойцов. Он был пулемётчиком и огнём прокладывал дорогу товарищам. И ещё он был комсоргом роты, а место комсорга всегда впереди. Уже поднялись и бежали по рыхлому перепаханному снарядами снегу цепи солдат. Но «заговорил» вражеский дот. Тот самый, сложенный прочно и надолго из глыб железобетона. Дот ведь это и означает — долговременная огневая точка.

Из узкой щели по наступающим хлестал огонь. Типанов очередью из пулемёта ударил прямо по амбразуре. Дот затих. Бойцы снова поднялись в атаку. Но из чёрного проёма снова полыхнуло пламя. Остались на земле убитые, застонали раненые. На снегу расплылись пятна крови.

Тогда Саша Типанов пополз, прижимаясь к земле. Тяжёлый пулемёт мешал ему двигаться. А тут ещё как назло кончились патроны. Но ждать нельзя. Нужно вперёд, скорее вперёд, чтобы заткнуть глотку этому чудовищу.

Уже не думая об опасности, Типанов почти во весь рост перебежками устремился прямо к доту. Вот он уже совсем близко, а дот, как ископаемое чудовище, чернеет впереди.

Саша размахнулся и швырнул связку гранат. Взметнулась бетонная пыль, — но что

граната против такой глыбы? Она только царапнула дот. Что же делать? А сзади залегли ребята. И не встать им, пока жив этот дот. Проклятый дот. Но он всё-таки замолчит, гад. Он замолчит, хоть ненадолго, чтобы успели подняться в атаку ребята. Саша Типанов сжал кулаки. Только бы пробежать этот последний десяток метров, только бы успеть.

И он одним последним рывком бросился вперёд. Последний раз оглянулся назад и крикнул:

— Сейчас, ребята, сейчас всё будет сделано...

Раскинув руки, он упал прямо на амбразуру.

Дот захлебнулся наконец. И смолк навсегда. Сразу же поднялись во весь рост и побежали солдаты. Грянуло ура! Но Саша Типанов уже не услышал этого крика победы.

Друзья приняли на руки тело героя...

Случилось это 18 января, а через девять дней, 27 января 1944 года, полностью была снята блокада с Ленинграда. Над Невой гремел праздничный салют.

Сашу Типанова похоронили в Красносельском парке. У могилы героя выросли берёзки, липы. Их посадили пионеры. Из далёкой Рязанщины, где родился и вырос Саша, приехала в Ленинград его мать, Наталья Михайловна Типанова. Теперь она живёт в квартале, который носит имя её сына. Он так и называется — Типановский.

К Наталье Михайловне приезжают гости со всех концов страны, чтобы расспросить о Саше, о его детстве и юности.

Ведь для того чтобы совершить героический подвиг, надо иметь особенный характер, а характер у человека складывается уже в детстве. Саша Типанов прожил очень короткую жизнь. Когда он погиб, ему только что исполнилось девятнадцать. Значит, уже в школьные годы у него проявились такие черты, которые потом в трудный, решительный момент привели его к подвигу. Каким же он был, Саша Типанов? Об этом и спрашивают Наталью Михайловну. Её приглашают на пионерские сборы, в воинские части, на заводы, чтобы услышать рассказ о сыне. Пишут ей сотни писем и взрослые, и ребята. Сейчас Наталья Михайловна уже старенькая, ей трудно и ездить,

и выступать, и отвечать на письма. Вот мы и решили прийти к ней в гости и поговорить о Саше.

— Наталья Михайловна, скажите, пожалуйста, что было главное в характере вашего сына?

Она ответила почти не задумываясь:

— Главное в Саше было то, что он всегда думал о других, и меньше всего о себе. Так уж сложилось с детства. Семья у нас была большая, а Саша был старшим из детей. А тут ещё случилась у нас в семье беда.

Было это летом 1939 года. Стояла страшная засуха, словно огнём всё опалило. Огород пустой, поля жёлтые. Дождя ждали каждый день, все глаза проглядели. Грозы громыхали где-то высоко, далеко, а дождь проходил стороной. Однажды всё-таки подошла гроза к нашему Устью. Набежала чёрная туча, налетел ураган. Молния ударила в старое дерево и зажгла его. Сразу вспыхнул какой-то сарайчик, и пошло полыхать — деревня-то как лучина сухая. Сгорели девятнадцать домов. Мы тоже остались без крова. Хорошо, соседи приютили нас.

Саша в тот год только кончил семилетку. Учился он неплохо. Отличником, правда, не был, но и не ленился. Особенно любил читать. Историю, географию знал хорошо. Вот отец ему и говорит:

— Иди, сынок, учись дальше. Теперь ведь без образования ты нуль без палочки.

Но Саша решил по-своему.
— Нет, папа, сейчас не моя очередь. Пусть сначала сестра Маруся едет на учёбу. Она девочка, послабее меня, а я потом выучусь, успею. Я лучше помогу ей, пойду работать на реку.

А жили мы у слияния двух рек Цны и Мокши, и деревня называлась Устье.

Саша давно уже вертелся около катеров. Чумазные мотористы казались ему почти лётчиками. От них всегда пахло бензином, металлом, к тому же это самое мужское дело — возиться с моторами. Его приняли матросом на катерок. Теперь Саша проплывал мимо родной деревни, и старые бе-

Саша и Женя с бабушкой Натальей Михайловной Типановой у дота, где погиб Александр Типанов.

Фото Г. Сафонова

рёзы отсюда, с воды, казались ему совсем маленькими. Так у нас в семье сразу стало двое моряков. Отец в тот год тоже во флот пошёл плавать. На Север уехал.

Саша в семье остался за главного мужика, как говорили у нас в деревне. Как-то попалась ему в руки газета с объявлениями. В городе Данкове в училище механизаторов набирали ребят учиться на трактористов. Подумал-подумал Саша и решил — специальность хорошая, хоть трактор, хоть танк можно водить. А о танках он вспомнил не случайно. В мире-то ведь было неспокойно. Фашисты лезли всё ближе и ближе к нашей стране. Песню «Если завтра война, если завтра в поход» исполняли и в клубе, и по радио.

*На земле, в небесах и на море,
Наш напев и могуч и суров:
«Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов...»*

А пока что Саша готовился стать трактористом. Одному очень ему не хотелось ехать. Он всегда с друзьями был. Вот и пошёл по деревне агитировать себе товарища. По соседству с нами жил Иван, он сразу согласился. Саня для него всегда был авторитетом. А родители у Вани старые уж были. Начали отговаривать, куда, мол, ты едешь, нас бросаешь. Тогда Саша пошёл их уговаривать, и наутро мать Вани сама поставила тесто, в дорогу парнишкам испечь пирогов. Уговорил, значит.

Саша был моложе Ивана, но как-то так уж вышло, соседи просили:

— Ты уж, Александр, за Ванюшкой-то пригляди!

Саша, конечно, обещал. Он привык быть за старшего.

Уехал Саша весной, а в июне началась война. Было ему шестнадцать лет. На фронт его не брали. Сказали, подожди, придёт и твоя очередь.

Всех ребят из училища трактористов отправили в Заvolжье убирать хлеб. И такой был урожай в тот год перед войной, колосья словно из чистого золота налиты, такие тяжёлые, к земле клонились под тёплым ветерком! Неужели же такое богатство оставить Гитлеру? Ведь хлеб — это тоже боеприпасы, не поешь — не повоюешь, так он мне в письмах писал.

Фронт быстро подходил к Волге. По ночам уже слышна была канонада. Мальчишки работали день и ночь. Руки в кровь изодрали, ноги исколоты об стерню. Вся одежда у них сносилась, а уже задумывали холодные степные ветры. Спали в скирдах, зарывшись с головой в солому. Но хлеб всё-таки убрали, не оставили врагу. А потом бригадир распустил свой отряд.

— Добирайтесь, хлопцы, по домам.

Саше моему за хорошую работу подарил свой плащ. По ночам уже заморозки были в степи, а у него на ногах худые сапоги, перетянутые бечёвками. Саша добирался домой где на крышах вагонов,

Деревня, где родился и рос Александр Типанов.

где пешком, где на попутной машине. Добрался до Устья. И сразу в военкомат: пошлите на фронт — мне скоро уже семнадцать лет будет.

Военком сказал:

— Ладно, придёт пора — и ты пойдёшь. Жди повестки.

Саша каждый день заглядывал в ящик, как с работы придёт.

— Мам, мне письма нет?

И всё почтальона поджидал.

Мне ничего не сказал, что на фронт добровольно попросился. Знал, что и так горя много. От отца ни слуху ни духу. Он на Севере, на бензовозе плавал, горючее для фронта доставлял. Тут спички довольно, чтоб на воздух взлететь, да и по радио сообщали, что тяжёлые бои шли на Севере. А пока Саша работал на оборонных работах. Собрали подростков да женщин рыть траншеи, окопы. Сашу выбрали бригадиром. Дали ему лошадь. Он ездил по деревням, собирал инструмент. А окопы рыть это же не огород вскопать, лопаты ломались через несколько дней.

Саша объезжал соседние

деревни, собирал всё, что годилось: у кого ломик, у кого кирку, а то и пешню для зимней рыбалки. Приходилось ему и ругаться. Придёт к избе, а там только женщины остались. Есть лопата или пешня? Есть — то есть, а как я тебе дам, хозяин с войны вернётся, как отчитаюсь?

После таких разговоров дома Саша возмущался, жаловался мне:

— Подумай, мам! Ну, что за люди, война идёт, а они за свою ржавую лопату уцепились, словно она из золота.

Наконец пришла повестка из военкомата.

Я, конечно, в слёзы, соседки пригорюнились. Ещё один уходит из деревни, да парень-то какой — золотой работник и помощник. А он, помню, торопится, как в кино. Умчался на попутке в райцентр. Через день возвращается. Молчит. И даже слёзы, как у девчонки, выступили. Я к нему:

— Ты что, Сашок, аль по здоровью забраковали?

— Да в том-то и дело, что здоровье хорошее. Меня ведь

на флот определили, так ещё почти год надо ждать.

Хозяйка наша руками всплеснула:

— Вот глупый, ему отсрочку дают, а он ревёт!

А Саша ей говорит:

— Так ведь, тётя Авдотья, война же идёт. Я вон какой здоровый парень, а сижу здесь среди стариков и ребятишек.

Опять пошёл Саша работать на катер, его уже капитаном сделали. Но и тут он думал не только о себе. Знал, что скоро уйдёт на фронт, и решил оставить в доме за старшего брата Василия. Ему тогда пятнадцатый год шёл. Взял его с собой учить на моториста — специальность хорошая, везде нужна.

С Василием тогда же беда случилась. Сарай строили, доски клали на крышу. Вася сорвался и упал. Расшибся, лежит без дыхания, весь в крови. Саша его на себе в больницу нёс, шесть километров. Да ещё через реку надо было переправляться. Так Саша в лодку целую гору травы наравал. На руках всю кожу содрал, но целую лодку набил, чтобы раненому мягче было. И грёб осторожно, боялся потревожить.

Он добрый был. О себе не очень-то думал, а о других умел заботиться. И меня всегда жалел. Как-то ушёл с ребятами на гулянье в другую деревню (это ещё до войны было) и задержался допоздна. А я не сплю, волнуюсь, не случилось ли что. Жду его у ворот. Он вернулся поздно. Увидел меня.

— Ты что, мама, не спишь? Ну, что со мной может случиться, — а сам, вижу, покраснел, застыдился.

И больше никогда уж поздно не приходил. Совестьный был.

А когда на фронт уходил, всё напевал. Как повестку получил, сам не свой был от радости. Видит, что я плачу, и всё меня утешает:

— Да что ты, мама, я ведь вернусь. Вот разобьём Гитлера и вернёмся вместе с папкой. Знаешь, как мы заживём! Дом новый построим, сад разведём...

А я собираю ему еду в дорогу. Хлеба и того не было. Со-

седи уж помогли. Испекли краюху да сухарей чёрных насушили. Яблочков немного с осени было, да помидор солёных. Вот и весь харч в те времена.

Провожала я его до военкомата. Шестнадцать километров пешком шли. По лесам нашим. А Саша шагает так весело, словно и не на войну идёт. Я ему говорю:

— Сашенька, ты уж меня прости, если когда ругала тебя, сгоряча.

А он смеется:

— Да что ты, мама, разве я помню от тебя что плохое. Ты же у меня одна, самая лучшая.

Построили ребят-новобранцев рядами. Комиссар без руки, уже с фронта вернулся, говорит им:

— Бейте, сынки, фашистского гада, теперь ваша очередь Родину защищать, на вас надежда. А о семьях своих не беспокойтесь. Мы их не забудем!

Вижу, мой Саша на меня всё смотрит и подмигивает: «Слушай, мол, мать, что командир говорит». А я всё плачу.

Когда распустили их прощаться, Саша ко мне подбегает и сердится:

— Ты же, мама, больше всех ревёшь, позоришь меня.

А сам гладит меня по щекам, слёзы вытирает.

Так вот и ушёл мой сынок на войну, и больше я его не видела. Писем прислал немного. Служил он в Балтийском флоте, моряком стал. Участво-

вал в боях. Прислал сообщение, что был ранен, в госпитале лежал. Получил медаль «За отвагу» и ещё писал, что очень уж хотел Ленинград повидать. Ведь защищал город, а не видал его никогда. И вот выпала Саше такая удача — дали ему отпуск на два дня в Ленинград. Писал он нам:

«Ну и город, мама, до чего же красивый, какие дома, и Нева шире нашей Оки».

Потом прислал ещё письмо.

«Мама, Ленинград в большой опасности. К нам приехали из командования и предложили: «Кто хочет пойти добровольцем с кораблей на

берег, на защиту Ленинграда?» Я тоже пошёл. Теперь я пулемётчик. Жалко только, форма в пехоте другая. Но тельняшку всё равно надеваю под гимнастерку, и все наши ребята тоже. Посылаю тебе деньги из своего солдатского жалованья, которое выдавали на курево (Саша-то сам не курил). Купи Лизе обновку.

Лиза — это младшая сестрёнка Саши, он её очень любил и жалел, что детство ей выпало военное, безрадостное.

Из писем мы узнали, что выбрали Сашу комсоргом роты. Так уж получалось, что он везде авторитет имел. И дома у братьев и сестёр, и среди школьных товарищей, да и взрослые Сашу уважали. Всегда если что обещал — делал, не врал никогда, а главное — готов был помочь в любом деле, себя не жалел. Потому, я думаю, и в последнем своём бою не за себя беспокоился, а за товарищей. Когда видел Саша, что смерть им грозит и ничего сделать нельзя, вот он и кинулся на фашистский пулемёт, чтоб заслонить от смерти товарищей. Так же он и на пожаре, в деревне, в огонь шёл, чтобы помочь односельчанам. И не своё спасал, наше-то всё сразу сгорело, он соседям помогал. Такое уж у него сердце было доброе...

Наталья Михайловна показывает фотографии Саши, их осталось немного. Большой портрет, который висит на стене в квартире, нарисовал солдат из той части, где служил когда-то Саша Типанов.

Там, в казарме, стоит в ряду, других койка, аккуратно застланная солдатским одеялом. Над ней фотография Саши и надпись: «Вечная слава Герою».

Наталья Михайловна каждый год ездит в эту часть и встречается с молодыми бойцами, ровесниками её Саши. Им сейчас тоже по девятнадцать лет. А Саше Типанову 24 октября этого года было бы уже пятьдесят...

У Натальи Михайловны растёт внук, ученик 5-го класса 270-й школы. Он тоже Саша Типанов. Его называли Александром в честь дяди, погибшего тридцать лет назад.

На пионерских сборах Саша Типанов читает стихи, посвящённые Герою:

*Было ему девятнадцать
Так же, как мне и тебе,
Он тоже умел улыбаться,
Хотел быть первым везде,
И так же, как все мальчишки,
О подвигах он мечтал,
Читал о героях книжки
И сам он Героем стал...*

Давно окончилась война. И вот я стою у того самого дота. Здесь сделал свой последний шаг Саша Типанов. Дот зияет чёрной беззубой пастью. Ветер и дожди сделали своё. Серые глыбы потихоньку осыпаются, крошатся, ржавые стальные прутья скрючились, как змеи.

Поросла молодым лесом Воронья гора. Она тоже видна слева. Впереди, как на ладони, Красносельские холмы. Сбегают по ним крыши старых домиков. Красные, серые, жёл-

тые,—отсюда они словно сыроежки на склоне. А за ними уже новые кварталы светлых домов. Краны вытянули железные шеи, как жирафы. Строится новый Красносельский район Ленинграда. Поднимаются десятиэтажные дома. Их называют «точками». В одном из них живёт Наталья Михайловна Типанова, мать героя. Там мы только что были. Дом этот хорошо виден отсюда. И вдруг в тишине ухнет выстрел. Я вздрагиваю от неожиданности.

Ну, как же не догадалась сразу! На часах — двенадцать. Это Петропавловская пушка. Она стреляет ровно в полдень. И тут только особенно чувствуешь, как близко Ленинград. Там, за холмами, совсем рядом. В трудный час заслонил его собой рязанский паренёк Саша Типанов. К нему, к нашему городу, на помощь бросился он, забыв о себе.

Далеко отсюда его Устье. Далеко-далеко от Невы речки Мокша и светлая Цна, в которой купался и нырял он мальчишкой. Ходит теперь по той реке белый пароход, и на борту его написано «Саша Типанов». Читают люди это имя и вспоминают героя.

Там сделал Саша Типанов свой первый шаг, когда мать спустила его маленького на землю. А последний свой шаг сделал он здесь, у стен Ленин-

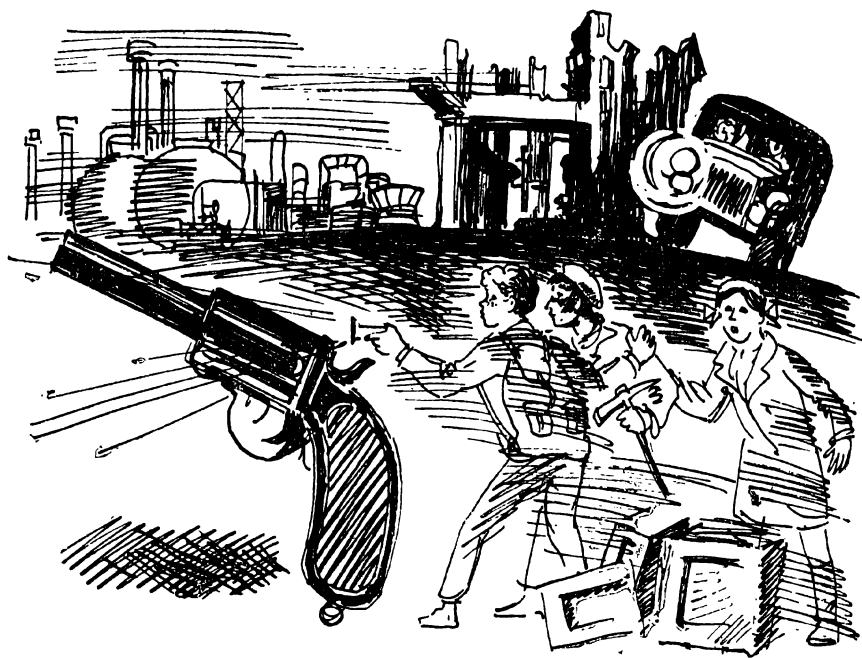
града. Потому что земля у нас одна, советская, и защищать её должен каждый до последнего дыхания. Так, как сделал это Саша Типанов.

Сюда, к доту, шагают в строю пионеры. Принимают здесь присягу солдаты, милиционеры. На серых, злобных камнях, которые победил Саша, летом лежат маленькие букетики цветов, собранных здесь же на весёлых полянах. Приходят сюда ребята, рассматривают дот, трогают шершавые холодные глыбы, заглядывают в его тёмную холодную пасть. И представляют, наверное, как было страшно броситься на это серое чудовище одному человеку. А ведь тогда из дота хлестал огонь и каменные глыбы, прочно прошитые железом, плотно укрывали врага. А Саша Типанов смог.

Оглядываются ребята вокруг на то же небо, что в последний раз видел Саша Типанов, на те же холмы и дали, за которыми родной Ленинград.

Приезжайте и вы сюда, стойте на этой священной земле и прочтите слова на том самом доте:

«Он смертью своей отстоял твою жизнь, живущий ныне. И пусть священная кровь комсомольца Типанова расцветёт плодами трудов твоих на благо Родины, за счастье которой перестало биться его юное сердце...»

ТРУДНЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

В подземелье было так тихо, что рычажок фонарика щёлкал, как пистолетный курок, а мягкие подошвы, казалось, скребли цементный пол.

Когда вокруг шум и грохот, сам начинаешь кричать, в тишине невольно переходишь на шёпот. Ребята переговаривались вполголоса. Первое время они перешёптывались, потом Алёна сказала громко:

— Почему мы шепчем?

И сама втянула голову. Такой гул пошёл.

Когда стихло многократное эхо, Антон ответил:

— Ясно почему? А шептать, конечно, не обязательно. Давайте

просто разговаривать. Как на уроках.

И они заговорили обыкновенными голосами.

— Интересно, в классе заметили, что нас нет? — спросила Алёна.

— Нашёлся кто-нибудь, выдал, — пренебрежительно сказал Антон. Смешно думать о школе, когда ты в двух шагах от великой цели! — Люська Шибалова сегодня дежурит.

— Люся болеет, — вставил Ростик и вздохнул. Шибалова оправдается, у неё справка от врача будет, а что он скажет в школе, дома? Прощай, мечта, поездка в Баку лопнула. Слово у отца — железно!

— Меня, наверное, уже ищут... — взгрустнула Алёна.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7.

Антон тоже в этот момент подумал о доме и родителях, но мельком, не до сантиментов сейчас.

— Чего нюни распустили? Кто хочет, может возвращаться, никто не держит, путь открыт!

«БЫТ! БЫТ! БЫТ!» — насмешливо повторило эхо.

— Вперёд! — сказал Ростик.

О Б В А Л

Обвал произошёл неожиданно и до обидного буднично. Не было ни вулканического грохота, ни землетрясения. Просто они вдруг услышали глухой шум. Длился он две или три секунды, и опять уши сдавила тишина, не слыханная ими ни разу в жизни.

Антон не придал странным звукам никакого значения. Простумело, и ладно. Даже зная, что их заваляло, погребло заживо, он не смог бы представить, что никогда не выберется наверх. Ни сегодня, ни завтра, ни во веки веков.

Трудно вообразить мир без себя. Ростик как-то вычитал из взрослой книжки вроде бы совсем понятные, но не постигнутые им слова: «Не смерть, небытие страшит». Он и сейчас не испугался, забеспокоился только: «Что за шум?» Алёна же, такая храбрая наверху, явно струсила.

— Что это? — опять перейдя на шёпот, спросила она.

— Ерунда! — отмахнулся Антон. — Песок сыпанулся. Посветика туда.

Алёна направила луч фонарика в дальний угол. Рука тряслась, и жёлтое пятно света приплясывало.

Под сломанной крышкой (пальцы вдавились в прогнившее дерево, словно в губчатый поролон) лежала кобура, вспухшая от многослойной плесени и от того ещё более необычных размеров. В такой кобуре могла поместиться ручная пушка, если такие бывают. Антон сразу смекнул, что это.

— Ракетница! — крикнул он в восторге и схватил кобуру.

Брезентовая обшивка расплзлась, но сигнальный пистолет был целёхонек! Владелец успел перед смертью или ранением вычистить и смазать оружие на совесть. Даже воронение не везде облезло.

— Значит, и всё остальное здесь!

Предположение Антона не вытекало из находки сигнального пистолета, но сам факт был выдающимся. Ростик и про море забыл.

— Дай посмотреть!

И у Алёны страхи прошли. Фонарик светил ровно и неподвижно, как настольная лампа.

— Смотрите, смотрите, иероглифы! — Ростик показывал на глубокие резные знаки на эбонитовой рукоятке.

— Какие ещё иероглифы! — фыркнул Антон. Вечно этот Ростик умничает. В Иришах, на земле и под землей, даже в царское время китайцев сроду не бывало. — Дай-ка сюда.

Когда Антон тщательно вытер пистолет, все сразу увидели, что это русские буквы «О» и «Х».

— Ох! — прочитала Алёна.

— О — Хэ, — поправил Ростик. — Инициалы. «О» — первая буква имени, а «Х» — фамилия.

— Так это же... — У Антона даже дыхание перехватило. — Это же ракетница самого Халитова! Папкиного ординарца!

«Ораз Халитов»... «Халитов О. С.» — последняя строка в мраморном списке братской могилы. Отец не один раз вспоминал, что Ораз Халитов везде и всюду инициалы свои вырезал.

— Как в аптеке, — сказал Антон. Слова его совсем не вязались с дрогнувшим голосом. Просто, он хотел выразить мысль: всё точно, всё сошлось.

Ребята торжественно помолчали. А потом сразу заговорили, возбуждённые и счастливые безмерно. Всё сходилось, заветный блиндаж найден, цель — вот она, у ног. Тут где-то лежит целлулоидный планшет с важнейшим до-

кументом — картой вражеских минных полей. Тут!

Три луча и шесть рук лихорадочно зашарили по захламлённому и пыльному цементному полу. Обнаружились и другие реликвии: лампа из сплюсненной артиллерийской гильзы, сдавленная алюминиевая кружка, россыпь патронов, лопатка, проржавленная до дыр, кирка-мотыга без черенка. И ещё какие-то вещи, ставшие непригодными и неузнаваемыми.

Время сделало своё дело. Даже стальную солдатскую каску не пощадило: внутренний ободок и ремешок превратились в труху, вместо защитной окраски — шелушащаяся короста.

— Может, и планшет сгнил? — выразил общую тревогу Ростик.

— Ерунда, — не очень уверенно, но резко отверг капитуляцию Антон.

— Хоть что-то осталось бы, — поддержала Алёна.

— Искать, — отдал приказ Антон.

Поиск продолжался, но, к сожалению, так же безрезультатно. Всё, кажется, перерыли и перещупали. Пластмассовую звёздчатую пуговицу нашли, обломок напильника — кресало от фронтовой зажигалки, латунный поддон сигнального патрона. Видимо, Ораз Халитов здесь, в блиндаже, выбил бумажно-металлическую гильзу из широкого ствола ракетницы.

Какой в последний раз в жизни подал он сигнал? К атаке? Вызвал огонь артиллерии? Указывал пехоте проход в минном поле?

— Это тоже в музей сдадим, — сказал Антон и спрятал поддон в карман.

Говорил он с придыханием. От чего-то трудновато стало дышать.

И очень тепло сделалось, с облупленного носа капал пот. Воздух вроде погустел, темнота сплотилась. Белые глаза фонариков пожелтели. Алёнин и вовсе скис, весь свет — оранжевый червячок спирайки.

— Сколько мы уже тут? — с тревогой спросил Ростик. — Уже ночь, наверное.

— Ночь, — вяло передразнил Антон. — Думаешь, если здесь темно, так и на улице ночь.

— Там сейчас белая ночь, — с грустью вспомнила Алёна. И всем, Антону тоже, неудержимо захотелось увидеть белое небо, белую реку, белый город.

— Ладно, — сказал Антон, — на сегодня хватит. И это бы унести.

Про самое главное они забыли. Или сделали вид, что забыли. Документы ведь ещё не нашли! Но так угнетающе было в чёрном под-земелье, что всем неудержимо захотелось немедленно выбраться на воздух и солнце.

Они собрали дорогие трофеи и двинулись на выход. Идти пришлось недолго. Стена из кирпича и земли преградила путь. В первое мгновение подумалось, что заблудились, сбились с дороги, но дорога-то была одна-единственная! И теперь её не стало, единственной дороги обратно.

Больше всех в этот раз перепугался Антон. Вот что значил тот странный шум! Завалены, отрезаны, погребены. Туннель сплюснулся почти в самом начале и неизвестно насколько: на метр, два, десять, до самого конца? Тут и солдатам не сразу откопаться, а им... Даже лопаты нет, только кирка-мотыга без черенка. Но и это — орудие!

— Без паники, — как можно решительнее сказал Антон.

Сам по себе, в душе, он мог паниковать и трусить сколько угодно. Но для Алёны и Ростика он был командиром. Командир не имеет права выказывать личные тревоги и панические настроения.

Кто же, кроме него, поведёт людей вперёд? В атаку, на штурм, на свободу!

Алёна громко вскрикнула и икнула.

— Без паники! — прикрикнул Антон. — Воды выпей.

— Во-ды нет, — икая отозвалась Алёна. — Только ки-ы-пяток в термосе-ы!

— Воздух задержи. Будет тебе скоро вода.

— Скоро? — с надеждой переспросила Алёна.

— Конечно! — совсем уже твёрдым голосом заверил Антон. И окончательно избавился от липкого, разоружающего страха, доводящего человека до безумия паники или чёрного предательства.

Не всякий страх порождает трусость. Только страх за самого себя.

Прежде всего надо было оценить реальную обстановку, взвесить возможное и невозможное, определить свои силы, составить план действий и — действовать.

— А ну копни! — приказал Антон Ростiku. Тот нёс кирку-мотыгу. — И фонарь выключи! Экономить надо.

Алёна тоже щёлкнула рычажком, хотя гасить уже нечего было, — батарейка отслужила свой рабочий век. Антон вспомнил о свечах. Всё-таки Ростик не такой безмозглый, сам сообразил купить.

— Зажечь свечу!

Алёна с удовольствием выполнила распоряжение.

Нет ничего важнее в угрожающих обстоятельствах, чем твёрдый голос и твёрдая командирская рука. Только все должны повиноваться, беспрекословно и с полным доверием.

Фитилёк постепенно разгорелся, вырос, пламя стояло вертикально. Ростик бил киркой-мотыгой и всё оглядывался на свечу.

— Чего ты вертишься? — спросил Антон.

Ростик отложил кирку.

— Безнадёжно,— сказал он.— Наглухо завалило. Видишь: огонь даже не шевелится. Значит, и щёлочки нет.

— Щёлочки! — передразнил Антон, но в глубине души позавидовал Ростиковой способности анализировать и логически мыслить. Прямо-таки Шерлок Холмс! А воду запасти во фляжках — не дотумкал.

Он отстранил Ростика и сам начал долбить. Работа была нелёгкой, но самое плохое — невольно оглядываешься на свечу. Не шелохнёшься, проклятая!

От поверхностного слоя взлетала пыль и не садилась. Все начали кашлять. Вдруг пламя завиляло. Алёна обрадовалась, но тотчас поняла: то Ростик пыль от лица отмахивает.

— Потерпеть не можешь,— укорила она Ростика.

— Передохнём, подумать надо,— в несколько приёмов высказал Антон и, тяжело дыша, привалился спиной к стене.

Алёна присела на корточки, но внизу совсем дышать нечем было.

— Пойдёмте туда,— предложила она,— там больше воздуха.

В С Е...

В бывшем блиндаже отца стояла та же затхлость и пыли ненамного меньше: всю ведь с места взметнули. Уселись на цементный пол. Зажгли свечу. Идти с ней плохо: гаснет и свет слишком рассеянный. А на одном месте — лучше карманного фонаря.

Они увидели ЭТО одновременно и одновременно вскрикнули. Огонь погас, но они увидели ЭТО. Алёна заволновалась, три спички извела. Наконец вспыхнуло волшебное пламя. Ребята из предосторожности прикрыли ладонями рты.

Трёхцветный огонёк наклонил-

ся, лёг почти и плоской стрелой направился к обрушенному углу.

— Там! — опять в один голос закричали все трое, и опять свеча погасла.

Антон включил фонарик и бросился к завалу.

— Кирку!

Ростик со своим фонариком отправился за инструментом.

Странно, но грунт у завала повлажнел. И кирка снизу мокрой стала. Рассуждать об этом некогда было, Ростик поспешил назад, к друзьям по несчастью.

Свеча зажглась в третий раз, и в третий раз пламя, как стрелка флюгера, повернулась по ветру. Никакого ветра здесь, конечно, не было, но воздух двигался. Значит, был у него выход куда-то!

Антон с ожесточением отшвыривал обломки кирпича и цемента, смешанного с землёй. Ростик с не меньшей энергией заухал киркой. Хватило их ненадолго.

— Стоп,— хрипло сказал Антон:— Так не пойдёт. Мешаем друг другу.

Теперь долбили посменно. Один работал, другой отдыхал. Включилась и Алёна. Мускулы у неё — не у каждого мальчишки такие!

Растаскали осыпь завала, углубились не меньше чем на целый метр, но никакого выхода не наметилось. И свеча поднимала свою огненную голову всё выше и выше. Пламя стояло под углом, а не лежало горизонтально. И это, и густая пыль, почти непроницаемая двумя фонарями и свечой, и усталость действовали угнетающе. Но ребята не пали духом.

— Очень даже объяснимо,— сказал Ростик. Лицо его стало похожим на африканское. Алёна с Антоном — не блее. — Проход есть, мы его сейчас забили немало.

В голове у Алёны гудело, она не очень поняла рассуждения Ростика, только неважно это. Главное — проход есть, существует.

Фонарик Антона еле светился: ослабела батарейка и пыль висела

густым облаком. Дышать нечем, словно засадили в мешок из-под цемента и завязали тугим узлом.

...Фонарик Антона угас. Ростик приказано свой беречь, хранить на самый крайний случай.

Всё перемешалось, сдвинулось, раздробилось, застревало в памяти осколками.

...В пыльной гуще — как в мутной воде.

...Пламя опять чуть положе, но свеча от этого тает прямо на глазах.

...Кирка-мотыга потяжелела до невозможности, сто килограммов, не меньше.

...Чувствуешь себя уже не в пыльном мешке, а в мешке с пылью. Рот, нос — всё забито, заткнуто.

...Пламя не светит, лишь показывает, как светящаяся компасная стрелка в темноте.

...Кирка весит тонну.

...Ростик ошупью принял кирку и, будто штыком, двумя руками ткнул из последних сил в черноту. Ткнул и не удержался на коленях, словно размахнулся вонсю и — мимо.

Последняя, тонкая перегородка рухнула. Ростик вместе с киркой, земляным хламом, со всеми остатками добитой преграды упал вперёд. Ноги — в бетонированной гробнице, живот — на обломках, а голова, руки — на свободе. На свободе!

— Доконали! Ура! — закричал Антон.

И Алёна кричала «ура», тщетно пытаясь зажечь новую свечу. Наконец она загорелась, и всё стало видно. Большую часть пыли вынесло из блиндажа, сразу сделалось светлее, и дышать появилась возможность.

Ростик перелез полностью и попросил свечку. Фонарик потерялся, засыпало, наверное. Сейчас это не имело никакого значения. Путь открыт, до полной свободы несколько шагов.

Так им всем казалось. На самом деле, когда перебрались в следую-

щее помещение и осмотрелись внимательно и почти спокойно, выяснилось, что они перешли из одного склепа в другой, правда более чистый и просторный, но сырой.

На облупленных стенах, одна под другой, тёмная кайма. Верхняя — совсем чёрная. Вода была здесь долго, затем, очень медленно, уровень её снижался, а метров с двух вода ушла быстро, за один раз. Ниже двухметровой высоты не было ни одной ватерлинии, только под ногами блестели в выбоинах лужицы и кисло несло стоялой водой.

— Не может быть, не может быть, — вслух, но не сознавая этого, бормотал Антон, обыскивая мокрые углы. И Ростик, и Алёна искали путь к спасению.

Тщетно. Позади — ход обратно, в никуда; справа и слева — осклизлые монолиты стен; над головою железобетонное перекрытие с махровой плесенью; впереди наклонная, полушатром, плита в трещинах, со скрюченными пальцами торчащей стальной арматуры.

Свеча горела спокойно, равнодушно, смиренно.

— Не может быть, не может быть, — бормотал Антон и чувствовал — слабеет его командирская воля, тает надежда, опять через все поры вползает страх. И подгибаются колени, ватно обвисают руки, щиплет, уже не от пыли, глаза.

— Пушка, — безрадостно сообщила Алёна. — Две даже... Три.

Куда им сейчас, в их безвыходности, в отчаянном и безнадежном положении, пушки? Их самих, наверное, никогда уже не откапывают. Не только пионеры-следопыты, но и археологи... Антон и смотреть не пошёл, с места не сдвинулся.

— Это трубы, — раздался голос Ростика.

— Канализация? — безучастно спросил Антон. Просто так, машинально. А в голове Ростика будто щёлкнуло что-то и заработало всю.

— Это канализация! — громче, но боясь ещё чересчур обнадёжиться, повторил за Антоном Ростик. — По ней вода и ушла!

— Так это же!.. — Антон воспрянул духом, кинулся к найденным Алёной трубам.

Их было не три, а четыре, все обломанные. Нет, закраины гладкие, ровные и утолщённые, в самом деле схожие на ощупь с пушечными дулами.

Ростик, пытаясь, раскачивал самую толстую трубу-ствол.

— Они должны быть составными, — сдавленным от натуги голосом прокричал он.

— Ага, — подтвердил Антон, тоже вцепившись обеими руками в

— Не хочу последней, — жалобным голоском протянула Алёна и придвинулась ближе к выходу.

Вот и связывайся с девчонками! Рано или поздно, но девчоночья натура всё равно проявится. В другое время и в другом месте Антон высказал бы всё, что думает о девчонках, но сейчас... И надо честно отдать Алёне должное: она, не кто-нибудь другой, нашла эти ниспосланные чудом трубы! Нашла, когда Антон чуть совсем не запаниковал.

— Первой сбайпáсить хочешь? — всё же не удержался от колкости Антон. Но колкость обернулась шуткой, остроумной и такой необходимой здесь. Алёна и

другую трубу. Она подалась сразу и легко вытянулась. А Ростикова застряла, но и её удалось убрать, не к себе, а туда. И это было ещё лучшим признаком.

С последней, самой тонкой, так ничего не сделали, но это уже не играло роли. Вырез в стене был достаточным, чтобы пролезть в него, как в форточку.

Свечное пламя вовсю тянулось к лазу, на волю.

— Первым пойду я, — сказал Антон. — За мной — Ростик, потом Алёна.

Ростик засмеялся. Впервые за несколько часов или суток. Они совершенно утратили чувство времени. А смеялись, будто и торопиться некуда.

Смеялись не только потому, что Антон удачно сострил: новый трубный ход, как байпáс в нефтепроводе, был выходом из тупика, обходом препятствия. Смеялись потому, что напряжённые нервы, пережитые и ещё не прожитые тревоги и страх требовали разрядки, послабления, хотя бы маленькой передышки.

Они смеялись долго, значительно дольше, чем того заслуживала шутка.

— Ладно,— первым утихомирился Антон.— Сперва пойдёшь ты, Алёна.

Как ни почётно стать ведущим, но это гораздо труднее, чем быть замыкающим.

— Я — второй,— скромно отказалась от лидерства Алёна.

— Вам не угодишь,— опять чуть не рассердился Антон и пополз в неведомое.

Следующее помещение, наверное, было очень большим: голос опять звучал неестественно громко, набатом загудел.

И было жутко стоять в полном одиночестве в крошечной и гнилой черноте неизвестно где. Из лаза, через который проник Антон, не пробивалось ни лучика.

— Как там? — донеслось снизу.

Антон наклонился и прокричал:

— Давай, Алён! И свечку возьми.

— А трофеи? — спросил Ростик.

В самом деле, что делать с трофеями? Может быть, оставить пока, не тащить за собой? Если... Нет, они, конечно же, выберутся, непременно выберутся. Тогда можно будет запросто даже возвратиться знакомым путём за драгоценными реликвиями. Вот с ракетницей, с ней, заветной и завешанной, расставаться боязно. Вдруг пропадёт? Завалит или другое что случится. Или прыгнет Барбос...

— Ракетницу взять.

— Хорошо,— отозвался Ростик, и — зашуршало, засопело: Алёна полезла.

Пока разжигали огонь, пополз и Ростик.

Новое помещение было похоже на заброшенный храм или возвращённый морем дворец. Возможно, дворец легендарной Атлантиды.

Высота — потолка не видно, и стен, кроме ближней. И — столбы, столбы, как колонны.

Пламя свечи никуда не показывало, двинулись наугад.

— Дышится легче,— выразила общее самочувствие Алёна.

Воздух здесь — застоявшийся, слякотный, но его много, больше, чем в тех, заполненных пылью глухих боксах.

Антон до рези в глазах вглядывался вперёд.

«Дворец Атлантиды» — Ростик его так назвал — представлялся безразмерным. Но увы, под землей, как и на земле, всё ограничено и конечно.

По недавнему счастливому опыту начали искать выход из дворца Атлантиды понизу.

И здесь, как и в соседнем помещении, очень долго стояла вода. Естественно, сообщающиеся сосуды, помещения соединялись чугунными трубами.

И здесь стены опоясаны тёмными осадками уровней, и здесь в трещинах и выбоинах зеркальные лужи. Одна оказалась не просто лужей.

— Ой! — вскрикнул Ростик. Он поскользнулся и вступил в широкую, овальную лужу. Нога провалилась по щиколотку. Возможно, там было ещё глубже, но Ростик упал на спину и нога выдернулась.

Нейлоновая куртка непромокаема, а брюки из водонепроницаемой синтетики не шьют. Ростик промок с ног до живота. Его затрясло от холода.

— Т-т-там к-к-ко...

— Колодец,— догадался Антон.

Ростик часто и мелко закивал.

Весь инструмент остался по пути, да и что толку, если удастся замерить глубину колодца. Ну колодец, водосбросный, нижний ведь, донный...

Донный... На дне... Со дна!

В жизни человека бывают не только звёздные часы, но и мгновенные, как молния, звёздные озарения. Антон раскрыл тайну донного гейзера в Волхове.

— Это... Это не простой колодец. Это ход, выход к Волхову!

пыльный. Воздух, как дома после мойки полов.

Антон живо подсадил Алёну, на другой стороне её принял Ростик.

— Теперь ты! — позвал он.

— Иду! — ответил возбуждённым голосом Антон, да не так-то просто оказалось без плеча и руки друга перебраться в сухой храм. Очень уж высоко от пола чёрный пролом и края острые, и силы не те.

Попробовали связать поясные ремни. Коротко. А верёвка вместе с рюкзаком где-то позади осталась...

— Поищите чего-нибудь там!

В храме оказалось дополна ящиков с железными коробками. Ростик мигом опорожнил три ящика и перебрал их Антону. Дальше — привычное дело.

Через минуту-две ребята были опять вместе.

— Вперёд, вперёд! — заторопил Антон.

Они ни на что не обращали внимания. Что-то попадалось под ноги, по обе стороны, за колоннами — ящики, ящики...

Они не отвлекались, не останавливались, спешили на волю. И опять — стена. Но пламя свечи вновь обрело волшебную силу: огненный палец указал налево, затем направо.

Антон шёл впереди, держа свечу, как факел. Горячий стеарин жёг пальцы, но Антон не чувствовал боли. Он был командиром и вёл за собой боевой отряд. Ничего, что в отряде всего двое. Но какие люди!

Алёна и Ростик шли за своим вожакom вплотную, в затылок ему дышали.

Ростик передвигался как завожонный. Глядел только на огонь. И ни о чём не думал. Ни о чём и ни о ком.

Алёна тоже смотрела на огонь, на огонь и вихрастую голову с тонкой шеей. Почему-то очень хотелось притронуться пальцами к этой шее с ложбинкой и сказать Антону что-нибудь хорошее, при-

ятное. Сказать, что он очень похож в эту минуту и со спины на легендарного Данко.

Антон внезапно остановился, и Алёна уткнулась ему в спину.

— Ты чего? — недовольно вскрикнула Алёна. — Иди.

— Пришли, — упавшим голосом отозвался Антон и медленно, не загасить бы, покрутил коротким огарком.

— Всё, — прошептал Ростик, в изнеможении опускаясь на пол.

— Ничего не всё, — возразил Антон почти тем же безнадёжным голосом. — Ничего не всё.

В третий раз сказать «ничего не всё» Антон уже не смог. Алёна расплакалась, за ней — Ростик, сдали и железные нервы командира. Всё...

Эге, дело совсем плохо, коль до слёз дошло. Пора ускорить счастливую развязку!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Третьи сутки

СЛУЧИЛОСЬ

Солдат заставил Осипова отдалиться почти до кирпичного здания очистной станции и выстрелил в белёсое ночное небо.

Будто со дна морского ринулась вверх светящаяся рыбина. Она слишком быстро поднялась со страшной глубины на поверхность и, мгновенно раздувшись, лопнула зелёным шаром.

В ответ на сигнал, из трёх точек — развалин, лесочка за Домом Советов, с лодки на реке, — взлетели красные ракеты. Взлетели, вспыхнули ярко в вышине и, оставляя извилистый дымный шлейф, стали плавно опускаться.

От очистных не было видно, что делается в центральной зоне подрыва. Минуты потянулись ленивой вечностью.

Осипов прикрыл глаза или не прикрыл, сам не понял, но его сморил короткий и тревожный сон...

Сон этот не однажды уже виделся ему. Не просто причудливая ночная фантастика — реальная быль, которую пережил и никак не мог забыть Осипов.

Было это с год назад, в разгар белых ночей, когда не угадаешь, ночь ли кончается, наступает ли вечер. Осипов шёл из милиции домой. Давно перевалило за полночь, а светло, как в пять часов после полудня.

Навстречу, косо выбрасывая ко-стыль, словно птица с подбитым крылом, поспешно ковылял Миша Рахматулин.

— Дядя Армен! — крикнул он ещё издали. — Я за вами. Думал, спите уже...

Осипов сразу затревожился. Миша Рахматулин попусту не придёт. Так и оказалось...

Миша сразу отстал, а Осипов, не разбирая дороги, помчался во весь дух к лесу у Круглого озера.

Он прибежал туда в самый раз. Повезло ребятишкам!..

Семь или десять их, мал мала меньше, сидели полумесяцем на поляне. На широком низком пенъке, как на троне, восседал, раско-рячив ноги, Барбос.

Осипов загодя сменил бег на осторожный шаг и подкрался совсем незаметно. Он затаился в кустах всего в двух-трёх метрах от Барбоса и, к ужасу своему, увидел в руке Барбоса молоток. А на траве между ног, обутых в замызганные кеды, лежала круглая железная коробка, чуть поменьше и толще жестянки, в которой хранят и перевозят киноплёнку.

В центре железной коробки выпиралась чёрная головка — нажимной взрыватель. Коробка была противотанковой миной.

— Резьба у её — правая, — поучал малышку Барбос. «У её» — означало — у него, у взрывателя, минного детонатора. — И выкручивать надо против часовой стрелки, отсюда туда.

Барбос крутанул в воздухе молотком.

— Счас мы это и сделаем, — и он замахнулся, чтобы косо ударить по взрывателю.

Было тихо, птицы ещё спали на ветках и в гнёздах, и дымчатый серебряный свет белой ночи таинственно и ясно высвечивал сочную траву, заросшие бородавки кочек, тёмные кожистые листья и поблескивавшие от восторга и тайного страха глаза ребят. Осипов мог различить даже слюну, вытекавшую на подбородок из раскрытого рта Васи Пеночкина, первоклассника, соседа по лестничной площадке.

Барбос замахнулся молотком, через мгновение могло произойти непоправимое несчастье, и свидетелей, наверное, не осталось бы. Погиб бы и сам Осипов, а он остоленел, не зная, что предпринять.

Он боялся крикнуть и испугать Барбоса. От неожиданного ночного окрика тот мог опустить молоток, ударить по взрывателю. Или вскочить с пенька и ненароком наступить ногой.

Минный взрыватель рассчитан на тяжёлый танк, но кто знает, во что за десятилетия превратились стальные пружины в болотной земле.

Барбос замахнулся молотком, и не было у Осипова ни одного второго мгновения для обдумывания. Потом, позже, он и сам не мог объяснить, почему поступил так, а не иначе.

Барбос замахнулся и, раздайся в ту секунду треск сучьев, швырнул бы молоток наземь и кинулся наутёк. Швыряя, он мог попасть и в минный взрыватель.

Барбос замахнулся и услышал спокойный, несколько равнодушный даже голос:

— Не так молоток держишь, Валера.

— Чего? — переспросил машинально Барбос, и опустив до груди молоток, озадаченно посмотрел на него, а затем и оглянулся. — Почему не так?

Он повернулся спиной к mine и держал молоток у живота. Осипов прыгнул из кустов, обхватил железной хваткой Барбоса и заорал:

— Сидеть на месте! Всем!!!

Во сне было иначе. То есть, сначала всё шло, как было, а когда Барбос замахивался молотком, Осипова охватывал такой парализующий страх за детей, что он не мог ни двинуться, ни языком шевельнуть. И просыпался в холодном поту.

...Прошло уже минут десять, больше, но взрыва не произошло.

— Почему они медлят? — охрипло после сна обратился Осипов к солдату. В глубине души он не хотел и боялся взрыва.

— В нашем деле торопиться — убиться, — с непонятным удовольствием пояснил солдат. — Минёр ошибается только один раз.

От развалин не доносилось ни звука. Так, невнятные голоса вроде бы, но разобрать — ничего. Или чудятся голоса, ничего нет.

— Медлят всё же, — опять не выдержал Осипов, а сам тайно молил: «Не надо, Январёв! Ещё попытаюсь!»

— Бикфордовым шнуром подрывают. Каждый поджечь, да в определённой очередности, да в укрытие отбежать, время горения опять же — долгое дело!

Вой сирены долетел до очистных.

— Теперь ахнет! — сказал солдат, и сердце Осипова упало вниз.

Через несколько минут земля слабо качнулась и раздался дальний хлопок.

— Сейчас остальные одиннадцать сработают! — горделиво объявил солдат. — Интервал — шесть-десять секунд.

Но и через 600 секунд ничего не сработало. Солдат забеспокоился. Осипов — ещё больше.

Послышались далёкие голоса, множество голосов. И шум моторов, вой милицейской машины, осиплый сигнал «скорой помощи».

— Куда? Отбоя не было! — крикнул солдат. Но Осипов не оглянулся. Солдат побежал вслед за ним.

Они выскочили на дорогу и за вторым поворотом увидели на развалинах толпу людей, машины, два бульдозера, автомобильный кран, которых прежде и близко не было. Что-то там случилось.

Осипов не сомневался — что. Случилось чрезвычайное. И Осипов знал — с кем.

ПОГРЕБЁННЫЕ ЗАЖИВО

— Ничего не всё, — судорожно всхлипывая, сумел наконец и в третий раз сказать Антон. — Не может такого быть, чтоб ничего не было.

В другое время Алёна обязательно сделала бы замечание: что за тарабарщина — «не может быть, чтобы ничего не было!» Но сейчас, здесь, каждый понял это как реальность спасения. Не может быть, чтобы не было никакого выхода!

Они осмотрели и ощупали стены. Выхода не было.

Вернулись назад, в помещение, похожее на храм. Здесь, по крайней мере, легче дышалось.

В этот раз они произвели обследование по-настоящему. Ящики в штабелях были одинаковыми.

Проржавленные гвозди ломались как спички. Вскрыли ещё три ящика.

Во всех лежали те же круглые жестяные коробки с пластмассовыми пробками. Антон сразу узнал их, у него уже была такая баночка...

— Мины!

Алёна и Ростик зайцами отско-
чили в сторону.

— Не бойтесь, они — противо-
танковые. И ногами встанешь, не
взорвутся.

Вывинтив пробку, Антон засу-
нул в канал палец.

— Без детонаторов. Безвредные
совсем.

Оттого что мины без детонато-
ров и рассчитаны на танковый
вес, ощущения безопасности не
прибавилось.

— Если уж они от бомбёжки
не сработали, теперь и подавно не
взорвутся.

Но как эти ящики в подвал по-
пали? Каким путем?

— Фашисты так драпали, что
не до складов!

Видимо, и Ростик рассуждал
о том же, коротко подтвердил:

— Да.

Облазили храм ещё раз. Ничего
утешительного.

— Ладно, — сказал Антон не-
унывающим голосом, — давайте
пока пообедаем и обмозгуем, как
быть. Выход есть! А консервы не
потатим же обратно, верно?

Против обеда никто не возражил.
Устроились, как верховные жре-
цы. Приспособили ящики под
стол, сиденья. И обедали, словно
в храме, при свечах.

Ростик предложил разогреть
мясную тушёнку. Долго ли ма-
ленький костёр разложить.

— А дышать чем? — остано-
вила его Алёна. — И здесь — мины!

— Мины только от детонации
срабатывают, — профессионально
объяснил Антон. — От огня тол-
 просто горит. Коптит, правда.

Алёна, такая начитанная, в про-
цессах взрыва не разбиралась, и
Антон с удовольствием выложил
ей все свои знания по этому пред-
мету. Минное дело не грамматика
какая-то!

Ростик дополнял Антона. В об-
щем, Алёна уяснила, что динамит,
тол и другие взрывчатые вещества
мгновенно сгорают не от пламени,
как порох. Порох в открытом ви-

де горит относительно медленно.
И это не взрыв. Взрыв — горение
со скоростью света.

— Поменьше, — поправил Ро-
стик.

— Поменьше, — не стал спорить
Антон. — Но тоже — ого-го! И та-
кое горение-взрыв происходит
только от детонации, от сильного
сотрясения.

Ростик задел коленом ящичный
стол, свеча качнулась.

— Ай! — невольно вскрикнула
Алёна.

— Не бойся, — сказал Ан-
тон, — это разве ТО сотрясение?
Детонация, как ударная волна от
атомной бомбы!

Теперь прояснилось. Про атом-
ную бомбу все всё знают.

— Попала бы сюда бомба или
снаряд. Или взорвали бы что-ни-
будь поблизости, тогда, конечно.

Все украдкой посмотрели на бе-
тонный потолок.

После обеда опять потянуло на
сон. Наверное, наверху уже была
ночь.

При всей трагичности положе-
ния сидеть при свече и обедать за
столом с минами было романтич-
но. И, признаться по-честному, не
очень хотелось сейчас возвращать-
ся домой, где, конечно же, не
ждёт ничего приятного.

Сидели на минах, обедали на
минах и спать улеглись на минах.
Спали они так долго, что потом
даже приблизительно не могли
определить: ночь ли, день ли там,
наверху. Может быть, вечер, утро.

— Чем позавтракаем? — спро-
сил Ростик.

— Погоди ты со своим завтра-
ком, — сонным ещё голосом ото-
звался Антон. — Дело сперва сде-
лать надо. Главного-то мы и не
нашли.

— Сначала бы выход найти, —
робко напомнила Алёна.

— Найдём и выход!

Но они не нашли ни докумен-
тов, ни выхода из подвала. Поло-
жение становилось катастрофиче-
ским.

— Вот что, — сурово произнёс

Антон, — надо подсчитать продовольственные ресурсы. Установим строгую норму, как в блокаду.

Подсчитать оставшуюся провизию было несложно: две банки консервов, рыбная и мясная, нетронутый кулёчек с соевыми батончиками, печенье, две пачки, плавленый сырок, полхлеба. Плохо обстояло дело с водой — бутылка лимонада и остывший чай на донышке термоса. Хорошо, что забыли про лимонад, когда Алёна заикала. Икота и так прошла, а драгоценная жидкость осталась нетронутой.

— Воду экономить прежде всего! — приказал Антон. — Человек без пищи месяц прожить может, а без воды!..

Он не договорил, молчали и Алёна с Ростиком. Все, наверное, подумали об одном и том же: неужели придётся сидеть в подземном заточении месяц? Тридцать суток! Нет, дольше месяца: если растянуть продовольствие по блокадной норме, они могут прожить много-много дней, не дней — сплошных ночей...

— Как у нас со свечками? — спросил Антон. Он всё-таки не терял присутствия духа.

— Осталось четыре свечи и огарок.

Антон задул огонёк.

— Совещаться и в темноте можно.

На сердце стало еще тягостнее.

— Я читал, — печальным голосом заговорил погодя Ростик, — что в блокаду ленинградцы соблюдали «закон сохранения энергии». Люди старались меньше двигаться, экономили силы.

— Ерунда! — отрубил Антон. Не такой у него был характер — сидеть сложа руки, покорно ждать конца.

— Это правда, — сказала Алёна, — но только не помогало. Даже наоборот.

— Вот именно! Кто экономил себя, погибал ещё скорее. Отец рассказывал, что в Ленинграде школы работали. В бомбоубежи-

щах или просто на квартире где-нибудь. И те, кто учился, те выжили.

— Не все, — грустно произнесла, будто подумала вслух, Алёна. Ей вспомнился рассказ о маленьком Алёше Градове, который просил супа.

Когда люди в одинаковом положении, у них и мысли совпадают.

— Не все, — со вздохом подтвердил Антон. — Мой брат, например. Но он же не учился, его только собирались записать в школу, в первый класс...

Тут все вспомнили школу, свой родной класс, учительницу.

— Хотел бы я знать, — сказал Антон, — Светлана Васильевна переживает за нас?

— А ты как думаешь! — сразу горячо вступилась Алёна. — Она, знаешь, как болеет за нас? Думаешь, ей твои фокусы и грубости просто так, ничего не стоят? Люся видела, как Светлана Васильевна даже плакала. Из-за этого всего!

Люська Шибалова, конечно, не авторитет. Люське Шибаловой насплетничать, что Антону сквозь щёлочку в зубах на два метра плюнуть.

Но всё-таки Антон почувствовал себя виноватым.

— Выйдем, больше не буду так, — в голосе его прозвучало раскаяние.

— Прощения попросить надо, — с учительской строгостью сказала Алёна. Когда она начинает говорить таким голосом, спорить и возражать бесполезно. И права ведь: надо признать свою вину перед человеком, если сам человеком хочешь быть.

— Хорошо, — безропотно согласился Антон.

— Только выйти ещё надо...

Как?

Пробраться назад, к завалу, и пытаться продолбить выход к реке? А если туннель обрушился на всю длину? Жизни не хватит на такую работу.

Вскрыть бетонный потолок?

— А если?.. — Антон и Ростик сказали это одновременно. И смолкли.

— Что — если?

Мальчики не видели, но почувствовали, что Алёна подалась к ним.

— Нет, нельзя, — здраво отказался Ростик. Они не могли подорвать потолок, сдетонирует весь подземный склад.

— Вы же говорили, что когда далеко, не взрывается, — напомнила Алёна, она ухватила за этот единственный выход.

— Разве что... — раздумчиво заговорил Антон. — Туннель...

— Конечно! — воскликнула Алёна. И, как обычно, прекрасную идею погубил Ростик:

— А где детонаторы взять?

— Найти. — Голос Антона опять окреп. — Зажигай, Алён!

— Мины?!

— Свечу.

— Они должны в комплекте храниться, — авторитетно заявил Антон. — Где мины, там и взрыватели. Только в других ящиках.

Ящики с взрывателями, очевидно, поменьше минных. В штабелях лежали одинаковые ящики, деревянные, с планками для рук, какими-то непонятными буквами и цифрами.

Решили искать по размеру.

Все ящики как близнецы.

— Между штабелями могут быть. Или под низом, — высказалась Алёна. Девчонка, ничего не соображает!

— Кто же держит взрыватели под минами! — Антон говорил таким тоном, словно хранение боеприпасов его специальность. Нашёл в своей жизни одну-разъединственную противотанковую

мину и уже завоображал неизвестно что.

— В войну всё могло быть, — упрямо сказала Алёна.

— В войну, — протянул Антон. И вдруг подумал, что они сейчас в настоящей военной обстановке. Враг отрезал их от своих, завалил все выходы, ждёт, когда запросят пощады. А они не сдадутся! Ни за что! Как ленинградцы.

— В войну, — ещё раз сказал Антон, но уже иным голосом. — В войну знаешь, как действовали? Или — или! И мы должны рисковать.

Какому ещё риску он собирался подвергать себя и своих товарищей? Во имя чего? Конечно же, во имя спасения, во имя свободы.

Странно, но дышалось совсем не трудно. Сырая затхлость, но дышать есть чем. Значит, откуда-то воздух всё-таки проникает сюда!

— Где-то есть щель, — как закливание произнёс Ростик.

Вообще-то и Антон полагал так. Хотя, с другой стороны, выдыхать весь кислород в таком громадном помещении сразу невозможно.

— Давайте ещё раз осмотрим.

Осмотрели. Сожгли огарок и почти целую свечу. Непроступные стены, неподкопный пол, непробиваемый потолок и — ящики, ящики, ящики.

— Придётся взрывать, — принял окончательное решение Антон. — Возражения есть?

Возражений не было. Не было и детонаторов.

— Переложим все ящики до последнего, а найдём. Не может быть, чтобы ничего не было.

— За такую некомплектность под трибунал отдать мало! — сурово сказал Ростик.

Ему не перечили. Трибунал так трибунал. Где он только?

— Дядя Армен Осипов нас на верное ищет, — сказал Антон.

Имя старшего лейтенанта милиции заключало в себе больше надежды, чем слово «трибунал».

— Нас вся милиция ищет, — уверенно заявила Алёна.

— С собаками, не иначе, — не смолчал и Ростик.

— А может быть, им уже Барбос всё выболтал? — не без основания предположил Антон.

Алёна развила его мысль:

— По радио объявили: «Всем, всем! Если кто знает что-нибудь, немедленно явиться в милицию».

— Так тебе Барбос и придёт сам в милицию! — усомнился Ростик.

— Приведут!

— А кто знает, что он знает про нас?

Ростик такой умный, что с ним просто трудно разговаривать!

— Может быть, попробёмся назад, к туннелю? — неуверенно предложила Алёна. — Вдруг там уже докопались?

Решили, что не стоит: слишком уж путь тяжёлый.

Разлеглись на ящиках ещё поразмыслить и незаметно для себя задремали.

Странно, они много времени отдыхали, а силы убавлялись. Рас-таскивать тяжёлые ящики с минами становилось всё труднее и труднее. Работали с большими перерывами, но работали. Другого дела не было, и не было другого способа вырваться из заточения.

Перерывы всё удлинялись. Совершенно исчезло представление о времени, даже первобытное, лишь непроницаемая темень и жёлтый светлячок стеариновой свечи. Свечи таяли на глазах, и таяли, как свечи, надежды. Они ещё стыдились признаваться в этом, но бодриться уже не могли.

Голод не ощущался, только очень хотелось горячего, ненавистной с детства каши, опостылевшего дома супа. И — пить. Само сознание, что воды почти не осталось, вызывало жажду. Недоступного всегда хочется сильнее всего, всего на свете! Экономили еду, воду, огонь. Свечи зажигали для работы и когда делили паёк. Ели

также вещи вслух лет двадцать назад... И всё-таки, кто его знает, вдруг именно нам и повезёт! А, ребята? Только бы повезло!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же рабочий зал звездолёта. Некоторое время в зале пусто. Затем входит Николай и торопливо подходит к пульту ручного управления. Переключает несколько приборов. Входит Глеб.

НИКОЛАЙ. Стыковка произведена, Фёдор. *(Оглядывается на Глеба.)* А, это ты. Я решил, командир.

Входит Евдокимов.

ЕВДОКИМОВ. Ну, Фёдор, где ты ещё найдёшь в космосе такого человека, который сумеет состыковать два объекта в гиперпространстве?

ЕВДОКИМОВ. Только на «Омеге».

НИКОЛАЙ. Вот так-то, молодежь.

ГЛЕБ. Ведь это же впишут в учебник по космонавтике! Я уверен! Хотя... вы с командиром этот учебник и написали, «Космическая навигация».

НИКОЛАЙ. И всё-таки непонятно мне, откуда в гиперпространстве взялась обычная земная малая ракета?

ЕВДОКИМОВ. А тебе понятно, откуда у неё взялась такая скорость, почему она не разорвалась и что стало с экипажем?

ГЛЕБ. Экипажа в ней, конечно, нет. Это всё могла совершить только автоматика.

НИКОЛАЙ. Автоматика! Автоматика знаешь где работает? На испытательных стендах. А в деле чаще надеешься на себя, вот на эти руки, а не на вашу технику.

ГЛЕБ. Технику, между прочим, делают люди. Как её сделают, так она и работает. А без техники вы были бы не штурманом звездолёта, а предводителем обезьяньего племени. Вся история человечества...

НИКОЛАЙ *(перебивает)*. Самое время для дискуссии. Если она была без экипажа, то на душе уже легче, иначе мы превратились бы через пять — десять минут в похоронную команду.

ГЛЕБ. Я вызываю роботов, командир. *(Подходит к решающей машине, нажимает три кнопки.)* Всех троих. Программа в машину заложена, управление полностью автоматическое.

НИКОЛАЙ. Уже идут наши голубчики.

В зал один за другим входят Роботы. Их трое. Это невысокого роста человекоподобные механические существа. Они выстраиваются у стены.

НИКОЛАЙ. Славные ребяташки. И всё твоя работа, Глеб?

ГЛЕБ. Частично. Новая система связи, координации.

НИКОЛАЙ. Скромник... *(Оглядывает роботов.)* На вид — они все хорошие. Вот этот немного подозрителен, а? Что-то у него вид наглый. Это чей двойник?

ГЛЕБ. Ваш. Помните, испытывали на полигоне?

НИКОЛАЙ. Значит, без мозгов? Так сказать, без чувств и сознания.

ГЛЕБ. Обычная механическая система. Весь контроль через решающую машину. Отправлять, командир?

ЕВДОКИМОВ. Давай, Глеб. Хотя времени у нас достаточно, но что ещё может выкинуть эта малая ракета...

Глеб переключает кнопки. Роботы один за другим уходят.

НИКОЛАЙ. А может, это камуфляж, маскировка?..

ЕВДОКИМОВ. Сейчас всё узнаем... На всякий случай готовьтесь к рывку. Уничтожать в непосредственной близости её опасно. Мы просто отскочим, если заметим что-нибудь враждебное.

НИКОЛАЙ. Если успеем заметить... А если не успеем?

ЕВДОКИМОВ. Уничтожить нас она могла бы на десять минут раньше. Видимо, это наш обычный грузовой автомат. Вот только, как ему удалось развить такую скорость?

ГЛЕБ *(склонился у решающей машины)*. Вошли в плюзовую камеру... Открыли впускной люк... Перешли в малую ракету... Взяты

пробы воздуха. *(Тревожно.)* Радиоактивность в тысячу раз больше нормы!

НИКОЛАЙ. Ого!

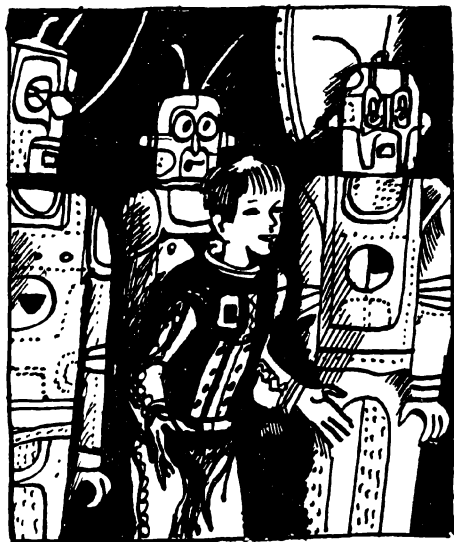
ГЛЕБ. Биологические объекты не обнаружены.

НИКОЛАЙ *(презрительно)*. Автомат. Сорвалась с цепи...

ГЛЕБ. Хотя... Ничего не понимаю! Что такое! *(Переключает кнопки.)* Непонятно.

ЕВДОКИМОВ. Что там у тебя, Глеб?

ГЛЕБ. Они приняли робота за биологический объект и тянут его сюда.

ЕВДОКИМОВ. Робот-то хоть не радиоактивный?

ГЛЕБ. В норме, он был в отсеке за перегородкой... Уже в шлюзовой камере... Сейчас будут здесь.

Появляются Роботы. Двое тянут за руки незнакомого робота, третий подталкивает его в спину. Незнакомый робот держится неуверенно, едва переступает ногами, слегка сопротивляется.

НИКОЛАЙ. Что за чучело! Тоже твоя работа, Глеб?

ГЛЕБ. Не знаю...

НИКОЛАЙ. Взбесившийся робот — это не подарочек. А ты говорил, без мозгов.

Роботы отпускают неизвестного. Он делает странные движения. Несколько раз почти валится на пол. Виззая, разваливается, и из него выскакивает обыкновенный мальчик в комбинезоне. Это — Миша Ракитин. Все замирают в недоумении.

МИША. Уф, спасли! Я же знал, что меня спасут. Здравствуйте, товарищи! Благодарю за помощь и поддержку! *(Растерянно.)* Что вы на меня так смотрите?

ЕВДОКИМОВ. Ты... откуда взялся?

МИША. Я к отцу лечу.

ГЛЕБ. Ничего не понимаю. Какой отец? Какой здесь, в гиперпространстве, отец? Ты с какой планеты? Кто ты?

МИША. С Земли, конечно, откуда ещё.

ЕВДОКИМОВ *(Глебу)*. Продолжай обследование ракеты. Обрати внимание на топливо, если оно осталось.

Глеб поворачивается к пульту решающей машины. Роботы уходят.

ЕВДОКИМОВ *(строго)*. Расскажи нам подробнее, почему оказался один в ракете, как развил такую скорость, куда летишь, почему демонтировал робота? Не скрывай ничего.

МИША. Сами меня спасли, а теперь спрашиваете. Думаете, приятно было четыре дня просидеть в отсеке? Приятно? У меня уже кислород кончился. *(Почти плачет.)* Я уже записку написал, вот. *(Достаёт из комбинезона записку.)* «Погибаю. *(Плачет.)* Погибаю, но не падаю духом! Михаил Ракитин».

НИКОЛАЙ *(обрадованно)*. Так ты — Миша Ракитин?

МИША. Да, а что?

ЕВДОКИМОВ. Ну, успокойся.

НИКОЛАЙ. Это же Миша Ракитин, сын начальника орбитальной станции. Я его вот таким видел.

ЕВДОКИМОВ. Есть хочешь?

МИША. Я еду успел в отсек перенести — на семь суток. А кислород — кончался. Последний баллон.

ГЛЕБ. Командир, всё очень странно. От горючего остались одни следы, но там новый изотоп. В зем-

ных условиях его получить не удалось.

ЕВДОКИМОВ. И он освобождает энергию в тысячу раз больше?

ГЛЕБ. Верно.

ЕВДОКИМОВ. И что ты об этом думаешь?

ГЛЕБ. Действие омега-лучей?

ЕВДОКИМОВ. Я думаю — они.

МИША (*удивленно оглядывает космонавтов*). А я знаю, кто вы!

НИКОЛАЙ. Мы — люди, успокойся.

МИША. Я сначала подумал, что вы — спасательная ракета. А вы же с «Омеги»! Конечно, как я сразу вас не узнал!

ЕВДОКИМОВ. Ты лучше расскажи быстро, но по порядку, что с тобой было? А потом иди умойся.

МИША. Я полетел к отцу...

НИКОЛАЙ. Что значит — полетел? Один, что ли?

МИША (*гордо*). Да. Я уже целый год один летаю. Я сдал на права, мне космический совет разрешил.

НИКОЛАЙ. Такому... как бы это сказать, молодому?

МИША. Да. А что? Я могу с закрытыми глазами...

ЕВДОКИМОВ. Итак, ты вылетел, по-видимому, пять дней назад?

МИША. Там всего одиннадцать часов полёта. Управление автоматическое: хочешь — спи, хочешь — читай.

ЕВДОКИМОВ. Предупреждение о вспышках было?

МИША. Я думал, успею.

НИКОЛАЙ. Ну и ты, конечно, спал?

МИША. Спал. А проснулся, смотрю — все приборы или на нуле, или, наоборот, зашкаливают. И связи нет. И вдруг радиоактивность в кабине как начала расти! Я быстрей продукты перетащил в отсек, перегородку загерметизировал и стал ждать, когда меня спасут.

ЕВДОКИМОВ. Действовал ты, пожалуй, так же, как многие бы из нас... И что же, все четыре дня сидел в отсеке?

МИША. Нет, я хотел что-нибудь такое сделать, послать робота. А он

не работает. Тогда я его решил починить.

НИКОЛАЙ. Ну, это ты завираешь. Ты вон нашего инженера спроси, он тебе скажет, что робота не только чинить, а даже разобрать может не каждый техник.

МИША. Честное слово! Я же его изучал, и в школе, в кружке... Любую систему с закрытыми глазами могу и собрать, и разобрать... Хотите, покажу? Что я — зря весь год тренировался!

ЕВДОКИМОВ. Хорошо.

ГЛЕБ. Командир, обследование ракеты закончено. Роботы возвращаются на место.

ЕВДОКИМОВ. Отлично. Оттолкни ракету подальше, чтобы она не болталась около нас. (*Мише.*) А потом, значит, пришли наши роботы, и ты решил, что мы — спасательная группа и прилетели тебя вытащить?

МИША. Ещё бы! Конечно, я обрадовался. А они вдруг как схватили меня и давай толкать, будто я вещь какая и сам не пойду...

НИКОЛАЙ. Они существа безмозглые, сам знаешь, не обижайся. Входят Роботы и выстраиваются у стены.

ЕВДОКИМОВ. Да... дело серьёзное.

МИША. Я теперь с вами полечу? Вот это здорово! Вот это мне повезло!

ЕВДОКИМОВ. Подожди, Миша. Ты хоть слышал, почему мы летим?

МИША. Ещё бы! Конечно, слышал. Это на Земле каждый знает — из-за омега-лучей. Я об этом все статьи наизусть выучил. (*Декламирует.*) Планета Сто одиннадцать — двести внезапно стала мощным источником ранее неизвестного человечеству излучения. Многие учёные и прежде считали, что Сто одиннадцать — двести — не планета, а ослывшая звезда. Только теперь она может снова вспыхнуть, станет сверхновой. Если вспышка застанет врасплох, то тогда нашему участку Галактики грозит космическая катастрофа.

НИКОЛАЙ. Вот именно. Тем более, что небольшие вспышки на ней

уже наблюдаются. Это для неё небольшие, а для нас...

МИША (*перебивает*). Вы летите, чтобы обследовать планету Сто одиннадцать — двести. Первое — затухающая это звезда или обычная планета. Второе — если это звезда, то может ли она вспыхнуть вновь. Третье — природа и свойства излучения. Четвёртое — опасно ли излучение для жизни людей на Земле.

НИКОЛАЙ. Кое-что мы уже узнали, даже не долетев до неё.

ГЛЕБ. А вы посмотрите, он ведь наизусть помнит.

МИША. Это пустяк! Я знаю счисление Эйлера, кривые Эйнштейна!

ЕВДОКИМОВ. И всё-таки я очень боюсь, что нам придётся вернуться.

НИКОЛАЙ. Фёдор, ты шутишь?

ЕВДОКИМОВ. Нет.

МИША. Это из-за меня? Из-за того, что вы меня спасли?

ГЛЕБ. Мы не можем возвращаться. наших результатов ждёт вся Земля!

ЕВДОКИМОВ. Если бы мы могли...

МИША. Не возвращайтесь, Фёдор Александрович. Я вас очень прошу.

НИКОЛАЙ. Ты посмотри, он даже отчество командира знает.

МИША. Да мы же в первом классе... У меня в букваре портрет. Я читать учился. «Это — Фёдор Александрович Евдокимов. Он — знаменитый космонавт».

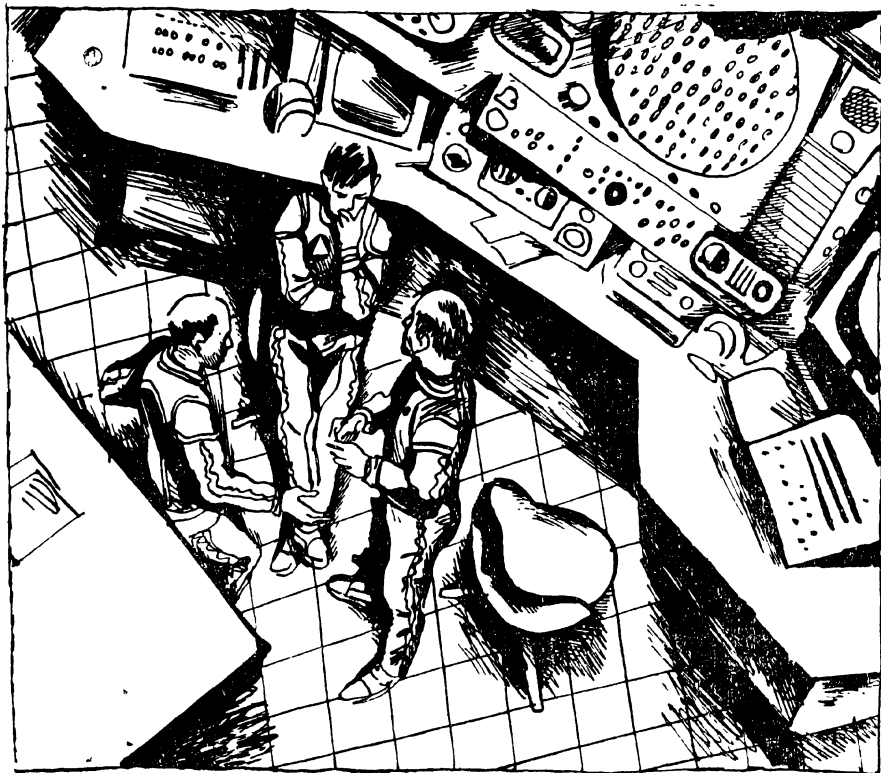
НИКОЛАЙ. Да, молодежь пошла. всю жизнь мечтал совершить подвиг, а? Сознавайся.

ЕВДОКИМОВ. всю жизнь... Тебе сколько лет, Миша?

МИША. Двенадцать. Ещё чуть-чуть, и двенадцать.

НИКОЛАЙ. Значит, теперь у нас два кандидата в герои. Вот он (*показывает на Глеба*) мечтает о подвиге и ты. Осталось устроить вам состязание, кто скорее в дамках.

МИША (*Николаю*). О вас я тоже читал. Вы же во всех экспедициях вместе с Евдокимовым были.

НИКОЛАЙ. Было дело, малыш. Что верно, то верно... Ну а вот о нём, о нашем молодом гении — тоже читал?

МИША. Конечно, самый молодой космический инженер. Семнадцать изобретений.

ГЛЕБ. Шестнадцать, одно мне начислили ошибочно.

МИША. Пожалуйста, не поворачивайте, я вас очень прошу. Надо мной вся школа будет смеяться. Попал на «Омегу», и вместо подвига — назад на Землю.

НИКОЛАЙ. Если бы только смеялась школа! Тут не одна твоя школа будет смеяться.

ЕВДОКИМОВ. Поворачивать по-дождём. Поищем другие варианты. Глеб, прикинь задание для решающей машины.

ГЛЕБ. Я могу работать с машиной сразу, командир.

МИША. Вы с машиной посоветуетесь?

ЕВДОКИМОВ. Да, посмотрим, что она скажет.

НИКОЛАЙ. Всё, Мишка, молись за неё. Глеб молится, и ты молись. Что она скажет, то и будет: и с тобой, и со мной.

МИША. А если?

ЕВДОКИМОВ. «Если» не бывает.

ГЛЕБ (поворачивает несколько рукояток на пульте решающей машины). Командир, машина задание приняла. У неё есть вопросы. Я переключу на обратную связь голосом, так проще.

ЕВДОКИМОВ. Переключай.

Глеб нажимает на кнопку, и сразу слышится голос машины.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: сущность нового биологического объекта, вторгшегося на корабль?

ГЛЕБ. Человек.

НИКОЛАЙ. Ты ей скажи, живой человек, мальчик. И он не вторгся, мы его спасли.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: вес объекта?

МИША. Сорок килограммов.

ГЛЕБ. Сорок килограммов.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: цвет волос объекта?

НИКОЛАЙ. Это ей зачем понадобится?

ГЛЕБ (пожимает плечами, оглядывается на Мишу). Светлый, близок к шатену.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: биологический возраст объекта?

ГЛЕБ. Двенадцать лет.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: желает ли объект причинить вред экспедиции? Да? Нет?

НИКОЛАЙ. Ещё чего!

ГЛЕБ. Нет, не желает.

В машине раздается тихое гудение, мигают лампочки, затем снова слышен её бесстрастный голос.

ГОЛОС МАШИНЫ. Вопрос: прошёл ли объект биологический контроль?

ГЛЕБ. Нет, не прошёл.

Машина умолкает, только слышно гудение и мигают лампочки.

ЕВДОКИМОВ. Глеб, у машины больше вопросов не будет?

ГЛЕБ. По-видимому, нет.

ЕВДОКИМОВ. Миша, иди умойся в моей каюте. И заодно захвати этот хлам. (Показывает на остатки робота.) Отнесёшь его в отсек и разберёшь там. Не заблудишься?

МИША (*после вопросов машины он притих*). Не заблужусь.

ЕВДОКИМОВ. Иди-иди.

МИША. Слушаюсь, командир. (*Собирает остатки робота, выносит их за дверь.*)

Николай прикрывает дверь.

ГЛЕБ. Ответ будет через минуту, даже раньше.

ЕВДОКИМОВ. Я боюсь, что после ответа машины мы примем противоположное решение.

НИКОЛАЙ. Ты думаешь?

ГОЛОС МАШИНЫ (*прерывает Николая*). Ответ: посторонний биологический объект необходимо немедленно отправить в автономный полёт.

НИКОЛАЙ. Что она сказала?

ЕВДОКИМОВ. То, что и должна была сказать.

ГОЛОС МАШИНЫ. Повторяю ответ: посторонний биологический объект необходимо немедленно отправить в автономный полёт.

НИКОЛАЙ. Бред сумасшедшего!

ГОЛОС МАШИНЫ. Повторяю ответ: посторонний биологический объект необходимо немедленно отправить в автономный полёт.

НИКОЛАЙ (*Глебу*). Да выключи ты её, наконец!

ГОЛОС МАШИНЫ. Повторяю ответ: посторонний биологический объект...

Глеб нажимает на кнопку. Машина, выключенная Глебом, замолкает.

НИКОЛАЙ. Вот так ответ.

ЕВДОКИМОВ. Другого от неё и нельзя было ждать. Машина исполняет ту программу, которую ей задали.

НИКОЛАЙ. Глеб, неужели она иного выхода не может найти?

ГЛЕБ. Машина запрограммирована так, чтобы обязательно и без ущерба довести наш корабль до Сто

одиннадцать — двести. А потом вернуть его на Землю. Всё случайное, постороннее она считает помехой.

НИКОЛАЙ. Автономный полёт! Это значит сунуть мальчишку в скафандр и выбросить в космос. Или отправить назад в его скорлупку. Да если бы посреди океана спасли человека, чтобы потом его снова за борт! Это же дикость! Обыкновенная дикость!

ЕВДОКИМОВ (*Глебу*). Запроси возможные варианты.

ГЛЕБ (*нажимает кнопку*). Вопрос: наиболее возможные варианты действия в случае, если данный биологический объект останется на борту?

ГОЛОС МАШИНЫ (*почти сразу*). Ответ: биологическая тревога. (*Громко, с повелительной интонацией.*) Внимание! Через три минуты включается биологическая тревога. Внимание! Через три минуты включается биологическая тревога. Внимание! Через три минуты включается биологическая тревога.

Евдокимов, Николай и Глеб выходят из оцепенения. Внимание! Через две минуты... Глеб нажимает на кнопку, машина замолкает.

ГЛЕБ. Я её выключил, командир.

НИКОЛАЙ. Решительный характер у твоего механизма. Так сказать, не хотите мальчишку выбрасывать в космос, я его уничтожу на корабле. Эта машина тоже без мыслей и чувств, Глеб?

ГЛЕБ. Действует точно по программе, которую ей задали на Земле.

НИКОЛАЙ. Оно и видно, что бесчувственная...

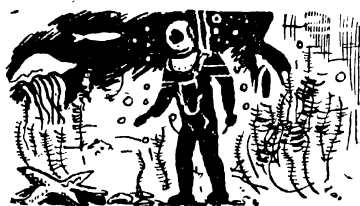
ЕВДОКИМОВ. Пойдем, посмотрим, что там делает мальчик.

Все выходят.

(Продолжение следует)

Водолаз

Вот ступают осторожно
Среди ила и песка
Со свинцовой подошвой
Два огромных башмака.
А на суше вам никак
Не поднять такой башмак!
Светит лампа в глубине:
Водолаз стоит на дне.
На груди висят грузыла,
Чтоб не всплыл, как
поплавок.
А одежда — из резины,
Чтоб в воде он не промок!
Костюм — так называемый
«Во-до-не-про-ни-ца-е-мый»!
А на дне морском,
ребята,
Всё не так, как на земле.
Он глядит в иллюминатор,
Круглый — как на корабле.
Над тяжёлым медным
шлемом

Встал конёк морской
торчком.
Дремлют водоросли немо,
Крабы бегают бочком.
Проплывают тихо рыбы,
Тянет щупальцы звезда,
И лежат большие глыбы —
Затонувшие суда.
В них — пробойны
на днищах.
Им бы — плавать,
не лежать!
Водолаз суда отыщет
И поможет их поднять!

Рыбы

Окунулись окуни
В синюю водицу.
Утром плотник выудил
Под плотом плотицу.
Маленькая колюшка
Колется с пелёнок!
На ерша ершистого
Щурится щурёнок.

Лещ в осоке
плещется.
Язь — забрался
в грязь...
Только — что же
делает
В озере карась?!

Е. РУСАКОВ

Монтёр

Он терпит зной,
Дожди, морозы,
И люди
В шутку говорят,
Что он
Хватает с неба звёзды,
Не возвращая их назад.

Собрал,
Как огненные вишни,
Идя
Дорогою своей,
Несёт монтёр
По всем жилищам
Он эти звёзды для людей.

ОТ ПЕТРОВСКИХ ДО ВАСИЛЕОСТРОВСКИХ

ЧТО МОЖНО НАЙТИ в гробнице фараона? Сокровища! Оружие! Рисунки колесниц и зверей. А токарные станки? «Невероятно! Невозможно!» — скажете вы. Наверное, это же самое воскликнули археологи, обнаружив в пышном захоронении изображение... токарного станка. Понятно, не современного, а древнего, лишь отдалённо напоминавшего сегодняшний. Но всё же это был токарный станок. Значит, и история его восходит ко временам фараонов, за пять тысяч лет до нашей эры.

Как он выглядел? Скажем прямо, — незатейливо. Такой станок сделает любой мальчишка — были бы под рукой топор да пара гвоздей. В грубо сколоченном основании закреплялся между двумя «гвоздями» кусок дерева или бронзы, на него наворачивалась тетива лука. Потянул лук на себя, как пилу-ножовку, — дерево закрутилось, теперь подставляй к нему резец и наноси узоры.

Просто, если не сказать примитивно. Но это сегодня. Тысячи лет назад всё было иначе. Тогда этот станок был последним словом техники. Не только египтяне — древние греки, финикийцы, китайцы пользовались этими «лучными» станками. Выделывали на них прекрасные вещи. Искусство токаря ценилось очень высоко. Не исключено, что даже кто-то из египетских фараонов увлекался токарным делом. Иначе, зачем было бы украшать его гробницу изображением станков?

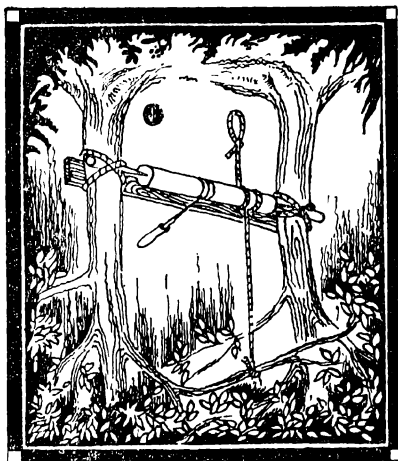
Впрочем, утверждать, что был когда-то токарь-фараон, не берусь, а вот царь-токарь был. Это уж точно.

Все вы конечно бывали в Эрмитаже. Значит, видели токарные станки, выставленные в одном из его залов. Непривычные станки — высоченные, похожие на старые швейные машины — с витиеватыми железными узорами и перегибами. Видно, очень старался мастер украсить станки. Только всё равно рядом с полотнами Рембрандта и Леонардо да Винчи видеть их очень уж неожиданно — произведения искусства и порождение повседневности.

Но не будем спешить с выводами. Что-то ведь заставило работников музея выставить их здесь. Это станки из личной токарни Петра I. Высок и статен был царь. Намного выше среднего роста. Поэтому и станок для него сделали такой высокий. Любил Пётр ручные работы. На двери токарни повелел он повесить табличку

**КОМУ НЕ ПРИКАЗАНО ИЛИ КТО НЕ ПОЗВАН,
ДА НЕ ВХОДИТ СЮДА НЕ ТОЛЬКО ПОСТОРОННИЙ,
НО ДАЖЕ СЛУЖИТЕЛЬ ДОМА СЕГО**

Любопытно было вельможам взглянуть на царя-токаря. А от того, что на посещение токарни был наложен запрет, — втройне любопытно. Всё же не уберёгся суровый император от чужого взгляда.

Однажды удалось датскому послу Юст-Юлю с помощью денщика проникнуть в токарню, где работал Пётр I. Что же увидел изумлённый датчанин? «Не одетый, в кожаном, как у ремесленника, фартуке, он сидел за токарным станком». Когда он «садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием... точно этим трудом снискивал себе пропитание».

Нехорошо заглядывать в замочные скважины. Но всё же мы должны быть благодарны Юст-Юлю за его наблюдение. Оказывается, Пётр I был не только царь-плотник, но и царь-токар.

Токарные станки Петра Великого — не чета древнеегипетским. Приводились они в движение, правда, тоже мускульной силой человека, но были уже намного совершеннее. Исчез лук, тетивой которого раскручивалась деталь. Вместо него появился шестерённый привод. Преобразился и сам станок. Теперь он был не деревянным, а железным — крепким и долговечным. И всё же прочность станка и то, что «токарил» на нём сам царь, ещё не ставят его в один ряд с полотнами Леонардо да Винчи, — возможно, скажете вы. Значит, не место станку в Эрмитаже?

Ну что же, пора открыть вам один секрет. Дело в том, что сам Леонардо тоже увлекался токарным делом. Это он впервые предложил сделать суппорт. Сейчас все знают, что суппорт — часть станка, на которой закреплен резец. Есть на суппорте два колеса: покрутить одно — резец приближается к крутящейся детали. Коснётся её — и брызнет иссинё-чёрная раскалённая стружка. Покрутишь другое — резец поползёт вдоль детали, срезая ровный слой металла. Как бы ни бился, ни старался выскочить резец, ничего у него не выйдет — суппорт держит его мёртвой хваткой. Сжимает железными объёмами. А раньше приходилось держать резец рукой. Попробуй-те-ка раскрутить велосипедное колесо и дотронуться до него даже не резцом, а простой палкой. Отшвырнёт её в сторону. Хорошо, если руку не вывихнет. То же и с резцом — большое искусство и осторожность требовались от токаря. С суппортом другое дело — работать стало легко и безопасно.

Наверное, вы согласитесь с тем, что созданное Леонардо да Винчи-изобретателем достойно соседствовать с произведениями Леонардо да Винчи-живописца.

Имя великого художника и инженера хорошо знают во всём мире. Менее известен талантливый изобретатель, наш соотечественник Андрей Нартов. А ведь станок, между нами говоря, был выставлен в Эрмитаже благодаря Нартову!..

Был Андрей смышлённый парнишка и до токарного дела охоч. Работал он в московской токарне царя. Приметил его Пётр. Пришлась по душе царю хватка юного мастерового. Всё спорилось у него в руках. Даже опытным мастерам нелегко было тягаться с пятнадцатилетним Андреем.

Скоро заложил Пётр I на берегах Невы новую столицу. Нужны были мастера — плотники, каменщики. Много мастеров. И конечно токари. Тут-то Пётр I и вспомнил об Андрее. Выписал его из Москвы в Санкт-Петербург. Назначил ведать токарней.

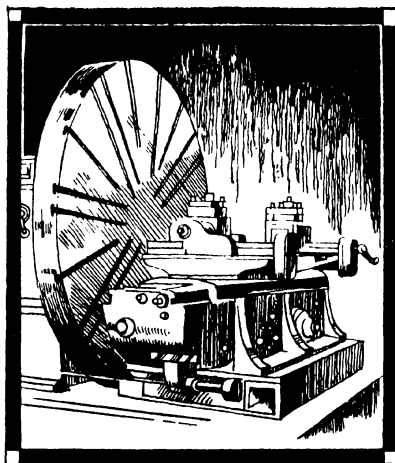
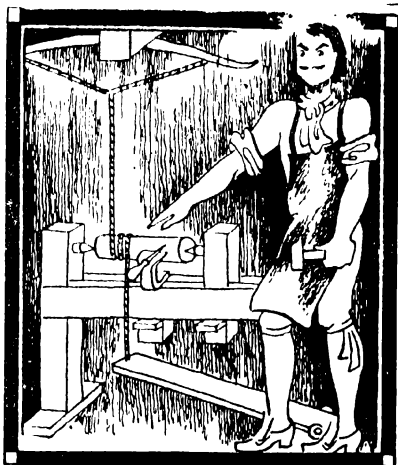
Любил Нартов машины. Не только рабочее, но и всё свободное время проводил в мастерской.

Жужжали станки, неторопливо ползли вдоль обрабатываемых деталей резцы. Смутные видения, ещё не осознанные, но вот-вот готовые вылиться в чёткие линии чертежа, будоражили Андрея. «Значит, так, — рассуждал он про себя, — чтобы снять с детали ровный слой металла, надо так же ровно провести по ней резец. Рука человека на это неспособна. А что если?..»

Чертежи были готовы скоро, а за ними и первый токарный станок с самоходным суппортом. Достаточно было включить самоход, и резец без участия человека сам по себе шёл вдоль детали, снимая с неё стружку. Впрочем, конечно, не сам. Его толкал винтовой привод, а проще — винт, придуманный Нартовым.

Другому бы на всю жизнь хватило чинов и славы, которые были возданы изобретателю щедрой рукой Петра. Но не таков был Андрей. Новые идеи, новые заботы одолели его. Много деталей нужно было точить для русской армии и флота. Не просто деталей, каких придётся, а как две капли воды похожих одна на другую, чтобы штыри на всех мортирах были одинаковы, чтобы механизмы у ружей можно было ремонтировать, заменив одну деталь на другую. Даже из податливого пластилина нелегко вылепить одинаковые фигурки. Из железа вырезать и того сложнее.

Нелёгкая была задача, но справился с ней Андрей Нартов. Не только потому, что был от природы талантлив, но и потому, что

учился с усердием. Пошла ему на пользу учёба в Московской школе математических и навигационных наук.

Предложил Нартов копировальное устройство. Зажималась в него деталь. Уже готовая, с которой надо было снять копию. По этой детали бежал толкатель — то поднимался на бугорок, то опускался во впадинку, а резец повторял его движения. Вырезал из «болванки» точно такую же деталь. Так токарный станок не только обзавёлся автоматическим суппортом, который под именем «самоход» известен каждому ученику ПТУ, но и научился копировать детали, работать по программе.

С изумлением смотрели мастеровые и вельможи на нартовские чудеса. Сам Пётр Великий был поражен искусной работой Андрея. И решил отправить его за границу — свой станок и себя показать и конечно поучиться у мастеров заморских. Проехал изобретатель всю Европу. Везде дотошно изучал западные станки и машины. Готовился к роли ученика, а сам оказался учителем.

Несколько месяцев не отпускал его от себя прусский король Фридрих-Вильгельм — большой знаток токарного дела, пока Нартов не обучил его работе на новом станке.

Наконец оказался Андрей в Англии. Много он был наслышан об умельцах этой страны. Надеялся хоть здесь чему-нибудь научиться. Вышло иначе. Огорчился изобретатель и написал Петру I письмо: «Здесь таких токарных мастеров, которые бы превосходили российских мастеров, не нашёл, и чертежи машинам, которые Ваше царское величество приказал здесь сделать, я мастерам казал, а оные сделать по ним не могут...»

Заграничное путешествие подходило к концу. Как ни усердствовал Андрей, а ничего стоящего не нашёл у иностранных «механикусов». Впереди была последняя надежда — Париж. Холодно и чопорно встретила европейская столица безвестного мастера. Чем приехал удивлять этот россиянин просвещённую Академию наук? Токарным станком? Разве не знает он, что сам император Пётр I покупает станки в Европе?

Однако от чопорности не осталось и следа, едва академики увидели нартовский станок в работе. Не было предела восхищению и похвалам. Президент Парижской Академии наук аббат Биньон

собственноручно написал Петру письмо. Запечатанное тяжёлыми сургучными печатями, оно было вручено Нартову. Если бы он мог вскрыть его и прочесть, сердце его возликовало бы от счастья. Президент писал об Андрее: «Постоянная его прилежность в учениях математических, великие успехи, которые он учинил в механике, и паче же во оной части, которая касается до токарного станка... Мы видели три модели его работ, которые он оставил Академии, яко памятный знак, как его искусство, так и благодарность его».

Приятно было Петру получить такое письмо. Разве мог он предположить, что просвещённый Запад в недолгом времени забудет о русском умельце. Спустя 86 лет англичанин Г. Мосли запатентует суппорт. Долгое время все будут считать, что этот важнейший элемент токарного станка, создание которого Карл Маркс считал равноценным созданию паровой машины, изобретён в Англии. И только позднейшие исследования неоспоримо докажут — наш он, суппорт, российский. Долго заблуждались люди, считая суппорт английским. Даже сегодня мы не придумали для него русского названия, а пользуемся английским.

Только всё это, понятно, не могло остановить технический прогресс. Своим незаурядным талантом Нартов дал сильнейший толчок колесу прогресса. И оно закрутилось. Появился у токарных станков электрический привод. Теперь обрабатываемая деталь вращалась со скоростью нескольких тысяч оборотов в минуту. Взглянешь на неё, кажется, стоит на месте. Подведёшь резец — вылетит фонтан стружки. На огромных скоростях детали начали раскаляться чуть не до красна. Чтобы хоть как-то снизить температуру, к станкам подвели трубы со специальной охлаждающей и одновременно смазывающей эмульсией. Появился у станков целый набор передач. Побольше, чем у мотоцикла и даже автомобиля. Много всего появилось. Стал токарный станок сложнейшей машиной.

Не обойтись без него сегодня. Лязгают гусеницами тракторы, стрекочут швейные машинки, ухают заводские прессы. Ну-ка мысленно извлечём из них все токарные детали. Что тут начнётся — рассыплется на кусочки трактор, умолкнет швейная машинка. Могучий пресс не то что стальную деталь, орех не расколет. Вот как необходимы нам токарные станки. Ничего не скажешь, хороши они, только лучшее — враг хорошего.

Дело в том, что не только станки совершенствовались за последние годы. Металлы и сплавы тоже изменились. Да ещё как. Появились такие стали, такие, что ни одному станку не по зубам.

Ревёт станок моторами, скрежещет передачами. Так раскрутил деталь, что дальше некуда. А ей хоть бы что — не берёт её резец. Можно бы алмазным резцом попробовать, да дорогое это удовольствие. Нашла коса на камень — деталь-то ничуть не мягче самого резца! Задумались инженеры — нельзя ли взамен токарного станка, которому скоро исполнится семь тысяч лет, придумать что-нибудь другое, более совершенное. Если твёрдость не победить твёрдостью, то взять её чем-нибудь другим. Ну хоть мягкостью, наконец. Сначала инженерам и учёным такая мысль показалась дикой. Нельзя же, в самом деле, медной проволочкой перерезать стержень из наикрепчайшей стали! Потом поразмыслили и решили попробовать.

Так появился электроэрозионный станок.

Почему «электро» — ясно. Электрический он, а почему «эрозионный»? В переводе с латинского «эрозион» значит разъединение. Значит, электроразъединяющий. Станок выглядит непривычно бельским, чистеньким, как холодильник. Ни шума от него, ни гро-

хота. Жужжит себе потихоньку. Не громче, чем стабилизатор у телевизора. Вместо массивных железных ручек, которые мы видели на токарном станке, у него изящные переключатели из цветной пластмассы. А работает он так: самую накрепчайшую стальную деталь помещают в ванночку с обыкновенным керосином. Ванночку эту ниоткуда приносить не надо. Она на самом станке укреплена. К детали подводится ток. Потом берётся самая обыкновенная тонкая медная проволока. Её даже руками порвать нетрудно. Проволока наматывается на катушку. К ней тоже подводится ток, только противоположного заряда.

Нажимай, рабочий, кнопку. Проволока подползает к детали. И начинает её разрезать, как горячая спица сливочное масло. Разрез получается ровный, красивый. Такого ни на одном станке не получишь. Но что самое интересное — для электроэрозионного станка твёрдость детали безразлична. Ему всё равно что резать — жестянку из-под консервов или крепчайшую сталь. И ту и другую он легко рассекает... медной проволочкой.

Значит, от старых токарных станков пора отказаться? Нет, не пора. Не напрасно трудился, ночи недосыпал Андрей Нартов. Помните, какое копировальное устройство он придумал к своему станку?

Теперь подойдём поближе к электроэрозионному. Странное дело: станок работает, а рабочего не видно. Отлучился куда-то. Делать это в общем-то не положено. Только ничего страшного не произойдёт. Станок может работать и без станочника. Видите лист белого ватмана, а на нём чертёж детали? Лист лежит под копировальным устройством станка. Яркая точка ползёт вдоль линии чертежа. Всё прямо-прямо, никуда не свернёт. И медная проволочка идёт прямо сквозь толщу металла. Копирует чертёж. Не правда ли — почти как на станке Нартова? Только у него копия снималась не с чертежа, а непосредственно с готовой детали. Как видите, не зря старался изобретатель. Даже в новейшем станке двадцатого столетия успешно применяется нартовский метод копирования.

Нартов был похоронен в 1756 году на маленьком кладбище, которое было когда-то возле 8-й линии Васильевского острова. А в 1972 году на той же самой улице Васильевского острова был создан электроэрозионный станок, о котором вы только что прочитали. Создали его соотечественники Андрея Нартова, продолжатели его дела из Специального конструкторского бюро электрообработки.

Отсюда же, с улицы, где был погребен Нартов, отправились они в октябре 1973 года на международную машиностроительную выставку в город Брно. Съехались туда многие сотни представителей фирм со всего света — из Европы, Америки и Японии. Привезли свои лучшие станки — токарные, фрезерные, револьверные. Подходят к нашему, электроэрозионному. «А это что за чудо?» — спрашивают. Поглядывают свысока на чудной станок. Включили его василеостровцы. Заурчал станок и пошёл выводить залихватские узоры в крепчайшей стали, которая была «не по зубам» ни одному другому станку.

Вот какой путь прошли отечественные станки — от петровских до василеостровских. А чтобы не забыли в заморских странах, кто создал этот станок, взяли на него патент. Так оно вернее.

Эд. АРЕНИН

КОГДА ЗАГОВОРИЛ «ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ»...

Рисунки Г. Моисеевой

«Великий немой»? Кто он? Чем он так прославился, этот таинственный немой, что его возвели в «Великого»? А вот послушайте...

Семьдесят восемь лет назад, в конце ещё прошлого века, в Париже, в помещении одного кафе, два изобретателя — братья Люмьер — пригласили небольшую группу учёных и журналистов на один необыкновенный вечер. Стулья и кресла в кафе стояли довольно странно: в несколько рядов. На одной из стен был натянут большой светлый прямоугольник. А в противоположном конце зала на небольшом помосте стояла какая-то странная аппаратура.

Когда все собрались, один из братьев выключил в зале свет. Что же будет дальше?.. И вот в тишине раздался стрекот, напоминавший работавшую швейную машинку. Неожиданно засветился большой полотняный прямоугольник. И вдруг, что это?

Парижанам нетрудно было узнать перрон одного из городских вокзалов. Вообще-то, что тут особенно — вокзал как вокзал. Но люди в зале буквально онемели: на перроне было множество людей, но не застывших на месте, как мы обычно видим на фотоснимках. Люди двигались, спешили в разные стороны, носильщики несли багаж, встретившиеся здоровались друг с

другом. Это-то и поразило зрителей в тот незабываемый вечер, устроенный братьями Люмьер. Глаза их были прикованы к волшебному прямоугольнику. Вот на нём показался приближающийся поезд. Дым вырывался из трубы паровоза, с боков виднелись маленькие облачка белого пара. С каждой секундой паровоз увеличивался всё более. Потом он замедлил бег, поровнялся с перроном и, казалось, вот-вот выскочит из мерцающего прямоугольника и ворвётся в маленький зал кафе. Произошло невероятное: зрители, сидевшие в первых рядах, смертельно перепуганные, вскочили со своих мест и бросились к стенам. Но в зале вспыхнул свет, и волшебство исчезло.

Как вы уже, вероятно, догадались, в кафе проводилась демонстрация маленькой кинокартины. Это был первый в истории киносеанс. Впечатление было потрясающим. На следующий день газеты были полны заметок, очерков, репортажей. Изобретение братьев Люмьер называли «Чудо живой фотографии».

С того дня кино начало своё победное шествие по всему земному шару. Развивалось оно необыкновенно быстрыми темпами. Лента с прибытием поезда на парижский вокзал демонстрировалась всего лишь минуту-полторы. Но вскоре начали снимать более длинные фильмы, по пять и даже десять минут. Появились и большие кинокартины, на которые требовалось полтора-два часа.

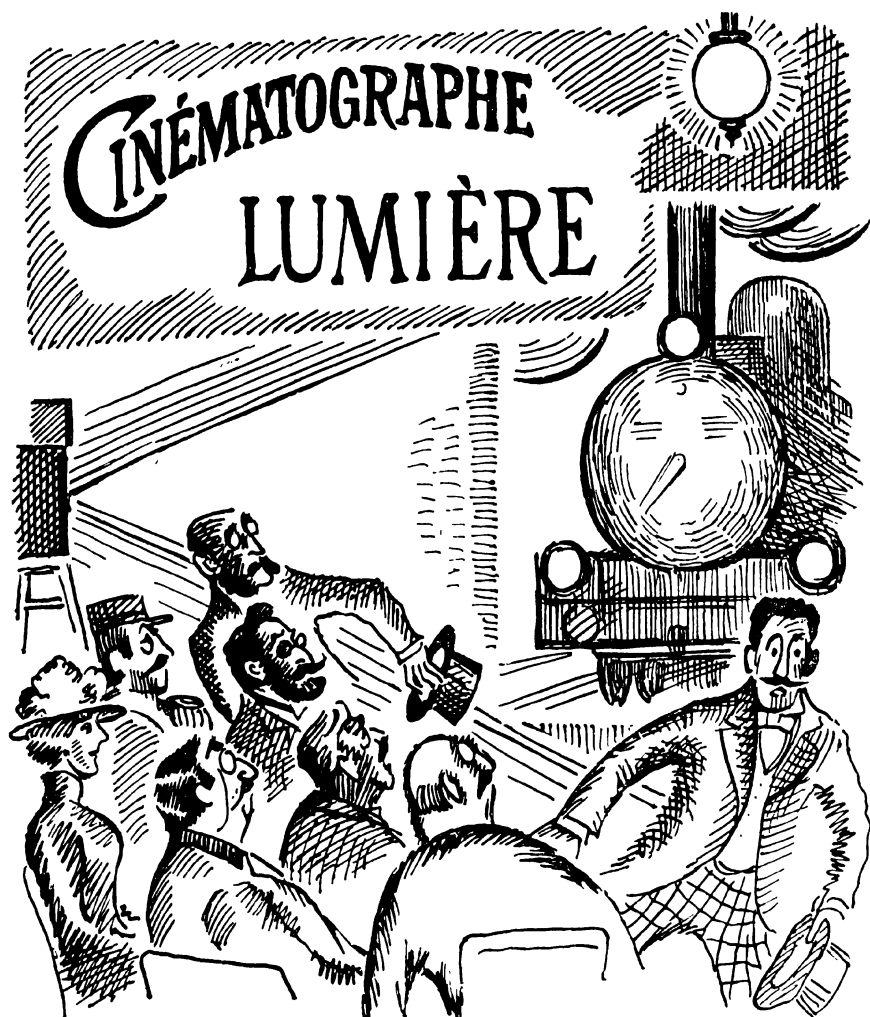
Кино завоевало весь мир. На мерцающем полотне экрана возникали незнакомые города, кинолента переносила нас в самые отдалённые уголки планеты, зрители проникали в непроходимые таинственные джунгли Индии, взбирались на вершины Гималаев, на борту огромных пароходов пересекали океанские просторы, попадали в жестокие штормы, видели, как гибнут корабли... Такие фильмы назывались «видовыми».

Появились и другие картины. Зрители увидели многих знаменитых артистов. Они смеялись, плакали, кричали, командовали войсками в знаменитых сражениях, вели огонь из орудий, пулемётов, взрывали скалы, прокладывая пути новым дорогам. Но зрители их только видели, не слыша при этом ни единого слова, ни смеха, ни гудка паровоза, ни звона колокола, ни гула канонады... Экран молчал. Кино было немым.

Много радости принесло оно миллионам людей, но оставалось безмолвным. И прозвали его «Великий немой».

Артистам было трудно играть в фильмах немого кино. Им надо было без слов, только игрой, мимикой, жестами показать свои переживания. А когда нельзя было обойтись даже без маленького разговора между героями фильма, применяли титры. На экране возникали обыкновенные надписи.

Как же лет пятьдесят назад демонстрировались картины? Неужели в кинотеатре царила полная тишина? Нет. Обычно демонстрацию фильма сопровождала музыка. В больших кинотеатрах играл оркестр, в залах поменьше трио музыкантов, а в большинстве «иллюзионов» (так

тогда называли кинотеатры) играл на пианино тапёр.

И уже в те далёкие времена изобретатели мечтали сделать кино звуковым. Мечтали найти способ записать звук на плёнку, чтобы голоса артистов звучали так же, как в театре, чтобы слышался шум улицы, пение птиц в лесу, звуки марша.

Шли поиски.

Появились тогда и другие «изобретатели». Пытаясь привлечь в кинотеатры как можно больше зрителей, они придумывали различные трюки. В те времена демонстрировалось очень много «короткометражек» — небольших картин, главным образом комических. Одна такая короткометражка называлась «Слон в посудной лавке». В картине не было настоящего слона. Это была комедия, рассказывающая о том, как один неуклюжий, все время спотыкавшийся человек пришёл в посудную лавку. Конечно, попав туда, он понатворил «дел». Неудачно повернувшись, он задел полку с дорогими сервизами, и всё это в один миг превратилось в груды осколков. «Изобретатели» придумали следующее: за экраном сидел человек с большой корзиной, наполненной черепками. Он смотрел на экран, и в тот момент, когда сервизы летели на пол, опрокидывал корзину с черепками. Такое «озвучивание» приносило трюкачам большие барыши.

В другой картине, где между героями происходила дуэль, в момент, когда они начинали стрелять из пистолетов, находившийся за экраном человек начинал палить из пугача. Бывало и так, человек за экраном прозевает нужный момент, герои уже помирились и вдруг... раздавались выстрелы пугача. Зал хохотал, жуткая драма превращалась в весёлую комедию.

Конечно, это не было звуковым кино.

Подлинные энтузиасты науки продолжали настойчиво работать. И хотя медленно, но поиски способа превратить кино в звуковое всё больше и больше приближались к цели.

И однажды «Великий немой» заговорил. Заговорил сперва глухо, иногда похрипывая, порой снова надолго замолкая... Но уже стало ясно, что теперь он не будет молчать и, набравшись опыта, начнёт говорить, кричать, петь, играть на музыкальных инструментах. Эпоха «Великого немого» кончилась.

В каком же городе, на какой улице находится тот исторический кинозал в нашей стране, где состоялся первый публичный сеанс звукового кино? Это памятное место находится в Ленинграде, на Невском проспекте, в доме под № 72. Вероятно, многие из вас бывали в небольшом, но уютном кинотеатре «Знание». Сидя в зрительном зале в ожидании начала сеанса, покуда ещё не погас свет, справа на стене вы можете увидеть мрачную доску, на которой высечено

**ЗДЕСЬ 5.X.1929 ГОДА
БЫЛ ОТКРЫТ
ПЕРВЫЙ В СССР
ЗВУКОВОЙ КИНОТЕАТР**

Это произошло ровно сорок пять лет назад. В то время я был начинающим молодым журналистом, и случилось так, что мне пришлось заниматься звуковым кино. Уже летом 1929 года в ленинградских газетах всё чаще и чаще стали появляться фамилии инженеров А. Шорина и П. Тагера. В статьях и заметках их называли изобретателями советских систем «говорящего кино». В газетах рассказывали также о том, что за границей в некоторых странах уже открыты специальные звуковые кинотеатры. Но более других привлекла заметка, что в недалёком времени такой кинотеатр предполагается открыть у нас, в Ленинграде.

К этой заметке отнеслись по-разному. Одни говорили, что это будет кинотеатр с трюками вроде тех, какие применялись при демонстрации картины «Слон в посудной лавке». Другие предполагали, что в «говорящем кинотеатре» за экраном будут находиться артисты, ко-

торые по ходу картины будут громко повторять слова, целые фразы, которые неслышно произносятся актёры на экране. Как во всяком новом деле, — маловеров, сомневающихся, критиканов было много. Но вскоре произошли события, заставившие даже самых заядлых скептиков прикусить языки.

В те же годы в помещении нынешнего кино «Знание» находился Свободный театр. Одним из ведущих актёров этого театра был ныне широко известный артист Леонид Утёсов. Народ валом валил на весёлые спектакли Свободного

ленинградских газет не раскрыла тайны. Сообщалось, что в здании на Невском, 72, создаётся «говорящий кинотеатр». Более того, было даже напечатано, что открытие этого кинотеатра предполагается нынешней осенью, в первых числах октября.

Тем временем из зарубежной командировки возвратился инженер Александр Фёдорович Шорин. Нам, журналистам, было известно, что именно он руководит научно-исследовательской лабораторией по звуковой кинематографии. Известно нам также было, что за границу он ездил с тем, чтобы познакомиться,

театра. И вот в один из дней публичка, пришедшая на очередное представление, увидела двери на запоре, а на них — объявление: «Театр закрыт». Спектакли происходят на других подмостках, и указывались адреса.

А в доме № 72 на Невском развернулись какие-то таинственные строительные работы. Опять пошли разговоры. Одни утверждали — очередной ремонт! Другие не соглашались: не ремонт, и не очередной, а капитальная перестройка всего этого театра... Пересуды продолжались, пока наконец одна из

как устроены звуковые кинотеатры, какова их аппаратура. С несколькими ленинградскими журналистами я отправился в лабораторию Шорина за новостями.

— Поездка была удачная, — начал рассказывать Шорин. — Мне удалось побывать в нескольких крупных городах, где уже открыты звуковые кинотеатры. Прежде всего — в Берлине. Там действуют четыре «говорящих кино». В Париже тоже трудно достать билет в несколько подобных кинотеатров. Интересовался аппаратурой. У французов — американская аппаратура.

Да и хозяевами нескольких «говорящих кино» являются американцы.

У нас же аппаратура своя, советская. Конечно, мне, создателю советских аппаратов, очень хотелось сравнить качество записи звука на плёнку у нас и у зарубежных фирм. И ещё больше хотелось воспроизвести на экране советские и зарубежные звуковые фильмы, определить, что хорошо, что плохо...

Я решил договориться с одним берлинским владельцем звукового кинотеатра.

— Одолжите ваш зал и аппаратуру, — попросил я его.

— Что вы, герр Шорин, это же деньги, деньги...

— Но нам ненадолго, всего лишь на полчаса...

— Вечером и днём никак не могу, только рано утром.

— В любое время, — согласился я.

Договорились, конечно, за эти полчаса уплатить...

Я тут же помчался на телеграф, послал в Ленинград телеграмму: срочно высылайте отснятый нами короткометражный звуковой фильм. Не игровой. Вскоре я получил посылку из Ленинграда.

И вот наступили наконец долгожданные купленные нами полчаса. Без какой-либо дополнительной настройки начали демонстрировать нашу короткометражку. И следом два отрывка из немецкого и американского фильмов. Сижу и думаю про себя: «Удача! Наш звучит вполне прилично». Кроме меня в зале находились немецкие спецы. Они сделали заключение: советский фильм по звучанию ничем не уступает иностранным.

Выслушав Александра Фёдоровича, мы засыпали его вопросами о новом строящемся ленинградском «говорящем кинотеатре». Какая будет программа на первом вечере? Название звуковой картины? Изобретатель немного смутился при этом вопросе.

— Каково название? Честно говоря, названия-то и нет. Наша ла-

боратория уже подготовила двенадцать короткометражек. Каждая из них — это маленький концертный номер. Зритель не только увидит, но и услышит певцов и музыкантов. Кроме того, у нас заснята небольшая звуковая хроника. Может быть, успеем озвучить хронику, заснятую на Первомайском параде.

Поблагодарив инженера Шорина, мы помчались в свои редакции. Рассказали обо всём услышанном от изобретателя и особо о предстоящем первом звуковом киносеансе и его программе. Сами понимаете, что эти газетные заметки ещё больше подогрели нетерпеливых ленинградцев. В конце сентября из номера в номер в газетах печаталось объявление об открытии в октябре нового, первого в Советском Союзе, звукового кинотеатра. Но ведь на мраморной мемориальной доске указано, что первый звуковой киносеанс происходил не 6-го, а 5-го октября. И это абсолютно точно. Первый звуковой киносеанс был для общественности. Как представитель газеты я получил приглашительный билет на это историческое событие.

Хорошо помню этот незабываемый вечер. Пришел конечно пораньше. Целых два часа ожидал я на Невском впуска приглашённых. В очень маленьком дворике и под очень тесной аркой, вплотную друг к другу, стояли люди, жаждавшие услышать, как заговорит «Великий немой». Прохаживаясь по Невскому и смотрю на рекламные щиты других ближайших кинотеатров, где демонстрировались, конечно, ещё немые фильмы. В «Паризиане» (теперь это кинотеатр «Октябрь») идёт боевик «Большое горе маленькой женщины». В «Пикадилли» (теперь «Аврора») демонстрируется «Севим», а над входом в кинотеатр «Титан» в рамке из светящихся электролампочек высвечивалось название картины «До завтра!»... Наконец нас пустили в кинотеатр. На подмостки перед экраном выходят несколько чело-

век. Среди них я узнаю Александра Фёдоровича Шорина. Он несколько взволнован. Изобретение его держит сегодня экзамен, и какой! Говорил он коротко. Прозвучало ещё несколько коротеньких речей. Люди ушли с подмостков. И... свет погас.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Замерцал экран. Сквозь царившую тишину, через репродукторы врывается в зал приглушённый гул, будто рядом кто-то не вовремя запустил какую-то машину. Этот не очень приятный гул предшествовал появлению на экране конференсье, того, кто объявляет исполняемые номера программы. Изображение конференсье отчетливое, а вот голос немного глуховат и даже сдвоен, будто человек болеет ангиной. Но как бы там ни было — слова его можно вполне разобрать.

Ну, что же, мои дорогие читатели!

Если бы, скажем, сегодня, сорок пять лет спустя, показали нам ту первую историческую звуковую кинопрограмму, вы бы получили очень и очень маленькое удовольствие. Одну за другой киномеханик пропускал звуковые концерты — короткометражки. Исполнялась какая-то ария... Потом ловко играли цимбалисты. Плакали две гитары... Потом появился известный балалаечник-виртуоз, насколько помнится, Трояновский и довольно лихо исполнил свой номер на неприхотливом народном инструменте... За ним выплыла на экране огромная нарядная арфа, и артистка в длинном платье исполнила на ней классическое «рондо». Надо сказать, что номера, которые исполнялись на всех этих музыкальных инструментах, звучали довольно сносно. И, пожалуй, лучше всех была передана звукозапись дуэта гитар...

Но в противовес им голоса певцов и певиц звучали ещё очень глухо, как будто пели, находясь где-то за стеной или сценическими, закулисными переборками... Голоса их из репродукторов доносились в зал с некоторым «подвыванием» и, как говорят теперь звукотехники, они «плыли».

Обо всём этом я рассказываю сегодня, почти полвека спустя, когда звуковая кинотехника шагнула далеко-далеко вперёд. Сегодня мне, конечно, легко разбирать по косточкам ту историческую программу. Но тогда, несмотря на все недостатки, на мешающие шумы и надоедливый «фон», всё нам казалось чудом необычайным. Ведь впервые мы слышали, как экран пел, говорил, доносил до нас характерные звуки всевозможных музыкальных инструментов.

А когда закончилась концертная программа, Шорин показал нам карнавал ленинградской молодежи, посвящённый празднованию Международного юношеского дня. Изображение марширующих колонн было прекрасным. Радостные колонны совершали свой торжественный молодёжный марш, и мы одновременно слышали радостный шум Невского проспекта, слышали, как гремела медь оркестров, как летела над городом молодая, задорная песня. Вот эти-то кадры главным образом я и запомнил так, будто их видел только вчера.

Когда в маленьком зале, насчитывавшем всего лишь 250 мест, вспыхнул свет, раздались долго не смолкавшие аплодисменты. Много было шероховатостей, разных недочётов, но каждому из счастливых, попавших на этот историче-

ский киносеанс, стало ясно: «Великий немой» обрёл дар речи, экран заговорил.

Но это только первый шаг в эпоху звукового кино.

Изобретатели начали работать ещё упорнее. День ото дня улучшалось качество звукозаписи и звукопередачи. Прошло всего лишь два года, и на наши экраны вышел первый советский художественный звуковой фильм «Путевка в жизнь». И какой фильм!.. Даже теперь, более четырёх десятилетий спустя, смотришь его с огромнейшим удовольствием. Это была огромная победа советского звукового кино.

Ежедневно в Ленинграде гостеприимно распахивают свои двери около ста кинотеатров, насчитывающие десятки тысяч мест. В течение всего лишь четырёх дней кинотеатры посещает более миллиона ленинградцев. А по всей стране более полутора ста тысяч киноустановок демонстрируют картины перед десятками миллионов кинозрителей. Прибавим к ним ещё несколько десятков миллионов старых и молодых зрителей перед голубыми экранами телевизоров, следящих за демонстрацией всевозможных — документальных, художественных, учебных и прочих фильмов. И все они теперь — звуковые. «Великий немой» давно уже стал символом далеко ушедшего прошлого в истории кино.

И маленькая памятная мраморная доска в зрительном зале кинотеатра «Знание» всегда будет напоминать потомкам о самом незабываемом сеансе — первом сеансе звукового кинотеатра в Советском Союзе.

«Байконур» в Ленинграде

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

„БАЙКОНУР“! Мы произносим это слово и мысленно представляем себе бескрайнюю степь, стартовую площадку, откуда человек отправляется в космос.

И вдруг «Байконур»... в Ленинграде! Да, да, на Выборгской стороне. Здесь, на Торжковской улице, дом 30, работает лаборатория ракетомоделизма Дворца пионеров Выборгского района.

Сегодня трудно удивить кого-либо техническими чудесами. Сидишь дома, смотришь телевизор, видишь, как люди ходят по Луне, и почти не удивляешься.

Вот и здесь, в небольшой комнате, стоит трёхметровая «ракетная установка». Мальчишка нажимает кнопку магнитофона, и звучат московские куранты. Слышен знакомый голос диктора:

«Внимание! Говорит Москва. Микрофоны Всесоюзного радио и телекамеры Центрального телевидения установлены на пусковой площадке «Байконура»...

И тотчас на пионерском «Байконуре» всё оживает. Миниатюрный тепловоз доставляет ракету на старт. Ракетный установщик медленно поднимает её. К ракете подходит опорная площадка. Автоматы установили ракету, опорные фермы зажимают её...

А мальчишка всё нажимает кнопку за кнопкой, и техника, изготовленная юными ракетомоделистами, действует безотказно. Медленно движутся фермы обслуживания. Включена топливо-заправочная мачта. Поданы горючее и окислители. Всё готово к старту.

— Минутная готовность! — слышим мы снова голос диктора.

Наступает самый ответственный момент. Мигают разноцветные лампочки. Это на пульт поступают сигналы со всех систем пионерского «Байконура». Доносятся знакомые команды:

— Ключ на старт!

— Протяжка!

— Продувка!

— Зажигание!

И вдруг мы снова слышим родной и близкий голос Юрия Алексеевича Гагарина:

— Поехали!

ДЕСЯТЬ МИНУТ непрерывно действует пионерский «Байконур», выполняя за это время двадцать «сложных команд. Минуты эти проскакивают мигом. А ведь юные конструкторы потратили на изготовление этой действующей модели семь месяцев упорного труда. И даже семь месяцев — не совсем точно. Действующая модель «Байконура» — это детище их многолетней работы в лаборатории ракетомоделизма.

— Почти все, кто строил «Байконур», занимается здесь по три — четыре года, — рассказывает руководитель кружка Валерий Сергеевич Алексеев. — Пришли они в кружок, когда учились ещё в пятом-шестом классе. Вот их первая модель — простая одноступенчатая ракета...

Она стоит как реликвия. Ведь это — начало начал. Я смотрю на неё, а кругом в лаборатории десятки других, самых различных, выстроились, словно в музее истории ракетостроения. Каждая из них не раз

участвовала в самых различных соревнованиях. Вот рядом и заслуженные награды — грамоты, дипломы, кубки.

Мальчишки строят ракеты!.. Так начали свой путь в большую науку многие конструкторы и изобретатели, инженеры и исследователи.

Чтобы построить такую сложную действующую модель, как «Байконур», надо было пройти хорошую школу технического творчества, многому научиться.

— Давно ты в кружке? — спрашиваю восьмиклассника 517-й школы Серёжу Кисина.

— Четыре года. В пятом классе у всех моих товарищей было своё хобби, а я всё никак не мог найти дело по душе. Всё думал, чем бы заняться. А тут, недалеко от моего дома, открылся Дворец пионеров, наш, районный. Пришёл я туда и увидел десятки самых различных лабораторий — одна лучше другой. Всюду новые станки, приборы, инструменты. В каждой полно ребят. Смотрю — все чем-то увлечены. Одни строят корабли, другие — радиоприёмники, самолёты. Открыл ещё одну дверь — ахнул. Ракеты! Вот мне бы сюда.

«Можно посмотреть?» — спрашиваю.

«Не смотреть надо, а строить! — серьёзно ответил руководитель кружка. — На вот, попробуй!»

Не успел я оглянуться, как возле меня, у верстака, уже лежали простенький чертеж ракеты, бумага, картон, ножницы, клей. Так незаметно включился в работу. С тех пор никак не отключусь.

Помню, изготовил я первую свою модель — одноступенчатой ракеты. Старался, как мог! И всё думал: полетит она или нет? Наконец стартовая площадка. Каждый из наших ребят по очереди заряжает свою ракету пороховой смесью. По команде одна за другой ракеты взмывают над лесом.

Дошла очередь и до меня. Осторожно поджигаю шнур. «Двигатель» зашипел, а я отбежал в сторону и слежу. Ракета не взлетела... Вот тебе на! До чего досадно было! Подбежали ко мне товарищи, Валерий Сергеевич. Проверили модель — всё в порядке. Видимо, что-то со смесью неладно.

«Сделаем ещё одну попытку», — говорит Валерий Сергеевич.

В этот раз всё сработало, и первая моя модель продержалась в воздухе полторы минуты.

Двухступенчатую модель Серёжа Кисин строил с ещё большей настойчивостью. Он уже научился читать чертёж, строго по размерам изготавливать каждую модель. Вскоре подошли и первые соревнования, Серёжа в них занял второе место.

А рядом с Серёжей Кисиным строили свои модели ракет Володя Михайлов, Игорь Никонов, Серёжа Круглов, Саша Токарев. Работали дружно. Модель за моделью. Но мальчишки мечтали о большем. Хотелось чего-нибудь нового, необыкновенного...

И тут пришёл журнал «Моделист-конструктор». А в нём — призыв к юным техникам страны принять участие во Всесоюзном конкурсе «Космос-74». Там же были опубликованы условия конкурса.

Собрались юные ракетомodelисты на большой сбор — читали, обсуждали, спорили. Тогда-то и возникла идея построить пионерский «Байконур». Да такой, чтобы по-настоящему действовал!

Идеей загорелись почти все кружки отдела техники: ракетный, автоматики, радио, телемеханики, автомоделный... Каждому хотелось принять участие в этой большой и сложной комплексной работе. Даже художники поддерживали: нарисовали плакат «Создадим пионерский «Байконур»!». В кружках появились свои конструкторы, операторы, монтажники, токари, механики. Образовалось специальное конструкторское

бюро. Сюда вошли самые увлечённые космическим моделированием. Главным конструктором «Байконура» стал девятиклассник Володя Михайлов.

Каждый кружок получил конкретное задание. Юные автомоделисты восьмиклассники 179-й школы Саша Токарев и Андрей Петров изготовили три действующие модели тепловоза и шесть вагончиков. Одних только миниатюрных колёс им пришлось выточить более 50, а сколько осей и других деталей! Юный радист Серёжа Круглов сделал всё для пульта управления, а телемеханик Серёжа Иванов обеспечил систему блокировочных работ. Наладкой автоматики занялся Игорь Никонов. Серёже Кисину доверили изготовить сердце «Байконура» — макет космического корабля «Союз».

Долго рылся Серёжа в книгах, смотрел фильмы, фотографии, разбирался в чертежах и только после того, как разобрался во всех тонкостях, приступил к работе. На токарном станке изготовил шаблоны ускорителей, головной и центральной части ракеты. А потом пришлось вытачивать двадцать дюз — двадцать отдельных деталей. А сколько терпения и усидчивости потребовала ювелирная выточка из балзы всех внешних деталей ракеты! Более полугода ушло на это. И вот она, наконец, собранная стоит, поблескивая серебром и сталью.

— Модель ракеты «Союз» готова! — доложил Серёжа Кисин. И вот весь Выборгский Дворец пионеров собрался в Озерках. Здесь состоялось первое испытание. На поляне плотным кольцом — кружковцы. Тысячи глаз следят за каждым движением юного ракетомоделиста. Ракета запущена горючим. Вот она уже забурилась, зашипела и...

— До старта осталось четырнадцать секунд, — объявили по радио.

Ракета рванулась к небу. С гордостью смотрит весь Дворец пионеров, как их ракета уже над лесом, раскрыла парашют и плавно приземлилась «в заданном направлении».

Из Москвы пришла телеграмма: «Приглашаем десять лучших юных конструкторов вместе с педагогами в Москву на конкурс „Космос-74“».

Разобрали, упаковали и повезли своё детище в Москву. Много было там интересных работ. Сорок девять команд из разных городов страны участвовали в конкурсе. Каждая представила комиссии свою действующую модель. «Байконур» с берегов Невы был удостоен первой премии и медали имени академика С. П. Королёва. Четырьмя дипломами наградили создателей модели — дипломами журнала «Моделист-конструктор», Звёздного городка, Всесоюзного музея имени К. Э. Циолковского в Калуге и Музея академика С. П. Королёва в Житомире.

Юных конструкторов пионерского «Байконура» вместе с их руководителями кружков пригласили в Звёздный городок, в гости к космонавтам. Ленинградский «Байконур» экспонировался на ВДНХ, награждён свидетельствами и медалями ВДНХ. С большим интересом осматривали пионерский «Байконур» делегаты XVII съезда ВЛКСМ, советские космонавты.

Володя Михайлов, Серёжа Круглов, Саша Токарев, Серёжа Кисин... Годами они молоды, а делами красны. Кто знает, может быть, через несколько лет сегодняшние мальчишки будут уже специалистами в разных областях науки и техники. А «притёрлись» они к ней в своём родном Дворце пионеров Выборгской стороны. Здесь они творят, дерзают, пробуют свои силы, делают первые шаги в науку и жизнь. Настойчиво идут к поставленной цели. И шаги их — уверенные.

Доброго вам пути, мальчишки!

С. ЛИПЧИН

САМОЕ большое количество бес-
сменно проведённых игр у итальянско-
го футболиста Альфредо Фони, участ-
вовавшего подряд в 229 матчах.

САМОЕ большое количество голов
в матчах чемпионатов СССР было за-
бито во встрече динамовцев Москвы
и Киева в 1940 году. Счёт был 8:5 в
пользу москвичей.

САМОЕ древнее футбольное поле
находится в английском городе Лин-
менгтоне. Из архивов этого города из-
вестно, что на этом поле играли ещё
в 1617 году.

САМОЕ большое количество пар
«футбольных» братьев играло за по-
следние тридцать лет в тбилисском «Ди-
намо»: Михаил и Владимир Берздени-
швили, Гайоз и Спартак Джеджалава,
Борис и Автандил Пайчадзе, Константин
и Николай Гагидзе, Александр и Сер-
гей Котрикадзе, Гиви и Леван Нодия,
Манучар и Гоча Магаидзе.

САМЫМ первым советским футбо-
листом, которому удалось забить 100
мячей, был игрок ЦДКА Григорий Фе-
дотов. Свой сотый гол он забил в 1948
году в ворота минских динамовцев.

САМЫЙ старый футбольный приз
в мире — кубок Англии: он разыгрыва-
ется с 1871 года.

САМАЯ первая международная фут-
больная игра была проведена 30 но-
ября 1872 года. Играли Англия и Шот-
ландия. Счёт встречи 0:0.

САМОЙ большой «скорострельно-
стью» отличился нападающий москов-
ского «Динамо» Сергей Соловьёв.
В 1948 году в игре с московским «Тор-
педо» он провёл в течение первых
трёх минут матча три мяча в ворота
противника.

САМЫМ грозным бомбардиром
советского футбола считают Алек-
сандра Пономарёва. В чемпионатах
страны он поразил ворота противника
152 раза.

САМЫЙ крупный счёт во встречах
национальных сборных по футболу был
зарегистрирован в 1951 году в матче
Англия — Австралия, когда англичане
выиграли со счётом 17:0.

САМЫЕ крупные футбольные стади-
оны мира находятся в Бразилии — это
«Морумбия» в Сан-Паулу и «Марака-
на» в Рио-де-Жанейро. Первый может
вместить 210 000 зрителей, второй —
200 000.

САМОЕ большое количество игр
в чемпионатах СССР по футболу про-
вёл московский спартаковец Игорь
Нетто — 367.

СКОЛЬКО НАС НА ЗЕМЛЕ

По данным Организации Объединённых Наций, население земного шара составило к середине 1973 года — 3 миллиарда 860 миллионов человек!

МУЗЕЙ ПОД ЗЕМЛЁЙ!

В Партизанской долине, неподалёку от Владивостока, насчитывается пятнадцать пещер, представляющих большую ценность для науки. Они расположены в известняковых горах, которые в древние времена были гигантским коралловым рифом. В трёх из этих подземных пещерах решено создать спелеологический музей.

Для подготовки экспозиции музея в Партизанскую долину выехала группа геологов, электриков и геодезистов. Им предстоит подготовить залы, провести электрическое освещение, устроить вентиляцию.

КЛАД НАШЁЛ ШКОЛЬНИК

Восьмиклассник средней экспериментальной школы - интерната № 2 города Алма-Аты Серик Нуркадыров вместе с товарищами рыл котлован под теплицу. Земля была мягкая, и вдруг лопата наткнулась на что-то твёрдое. Это оказался чайник, до краёв наполненный серебряными монетами. Как потом выяснилось, общий вес найденных монет составил 8 килограммов 250 граммов.

Свою находку Серик передал в фонд государства.

СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ ИГРАЕТ В ФУТБОЛ!

Этим вопросом заинтересовалась Всемирная федерация футбола (ФИФА). Специальная комиссия статистиков установила: в ФИФА входит 140 федераций футбола из различных стран, они объединяют 272 459 футбольных клубов, 555 085 футбольных команд и 17 840 288 футболистов.

ИГРУШКИ ЗАГОВОРИЛИ!

На рижском заводе «Страуме» (Латвия) конструкторы и работники экспериментального участка создали опытные образцы первых в стране звуковых игрушек.

«Мешок смеха» — так назвали первую звуковую игрушку. В мешочке из яркой ткани с изображением хохочущего человечка помещён механизм, воспроизводящий запись смеха.

НА „РУСАЛКЕ-III“ ВОКРУГ СВЕТА

Целый год японский спортсмен К. Хориэ готовился к плаванию. Он построил и подготовил к длительному путешествию яхту длиной 8,8 метра, шириной 2,8 метра и назвал её «Русалка-III».

1 августа прошлого года 35-летний японец стартовал с острова Амадзи. 276 дней, 13 часов и 10 минут длилось кругосветное плавание. За это время смельчак в одиночку пересёк Индийский и Атлантический океаны, обогнул мыс Горн и через Тихий океан вернулся в Японию.

К. Хориэ — первый японец и третий человек в мире, совершивший кругосветное плавание без захода в порты.

...за 50 лет 64 города были награждены орденами за заслуги перед Родиной! Из них 5 — с 1918 по 1940, 1 — с 1941 по 1945 и 58 — за послевоенные годы. Ленинград награждён четырьмя орденами.

...в нашей стране действуют 4164 Дворца и Дома пионеров, 1278 станций юных техников и натуралистов, 143 театра для детей! Это почти треть всех театров страны. Ежегодно детские и юношеские спектакли смотрят свыше 30 миллионов зрителей.

...затраты энергии живыми организмами очень велики! Подсчитано, что на единицу веса бегущий человек потребляет столько же энергии, сколько движущийся океанский корабль. Муха в полёте в этом смысле сравнима с автомобилем, несущимся на большой скорости.

...по запасам угля, железных руд, марганца, природного газа, свинца, никеля, кобальта, вольфрама, молибдена, бокситов, сурьмы, серы, апатитов, асбеста наша страна занимает первое место в мире! Из 5250 новых городов и рабочих посёлков, построенных в стране за годы Советской власти, 695 возникли на базе геологических открытий.

...в Иджеванском районе Армянской ССР растёт дуб-великан! Высота дерева 50 с лишним метров, диаметр 14,5 метра. Учёные-биологи, после тщательного исследования, определили возраст уникального дерева. Оказалось, что дубу 1524 года. Дуб-рекордсмен взят под охрану государства как редкая достопримечательность природы.

...в пределах нашей области обитает около 50 видов млекопитающих! В наших лесах встречаются: хищные — медведь, волк, лисица, ласка, россомаха, барсук; копытные — лось, косуля, кабан; около двадцати видов грызунов, насекомых и летучие мыши. Широко распространены в области бобры и ондатра. На Карельском перешейке встречается пятнистый олень.

...неизвестное индейское племя обнаружили бразильские учёные на севере страны! Белокожие голубоглазые индейцы, обитающие в тропическом лесу, искусные охотники и рыболовы. Организована экспедиция для дальнейшего изучения образа жизни вновь открытого племени.

...более четырёх миллионов бразильских детей в возрасте от 7 до 14 лет не посещают школы! За последнюю четверть века из 84 миллионов детей в мире школьного возраста только 18 миллионов получили начальное образование.

...древние пещерные скульптуры обнаружены в долине Сучана в Приморском крае! Одно из изображений высечено на сталактитовом образовании, как установили археологи, 700 лет назад. Древние люди наделили скульптуру богини земной красотой, изобразив ее прекрасной женщиной с ласковой улыбкой. Спелеологи назвали пещеру, в которой найдена скульптура, «Спящая красавица».

...советские химики создали поистине фантастический клей — «циакрин»! Стекло и металл, дерево и шерстяные ткани — всё подвластно ему. «Циакрин» склеивает даже металл — в морской воде!

...в 1976 году начнётся строительство первой очереди Варшавского метрополитена! Подземная трасса пересечёт левобережную часть города с севера на юг и свяжет удобным сообщением металлургический завод «Варшава», Гданьский вокзал, центр, Южный вокзал с жилыми массивами Натоллина. Длина линий — 24 километра. Помощь в поставках оборудования и вагонного парка окажет наша страна.

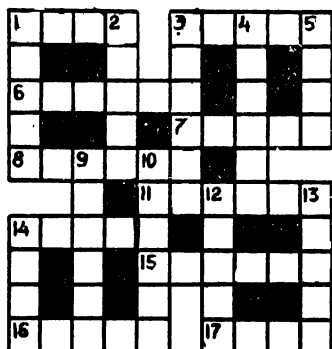
...если запрокинуть голову, то слуховая чувствительность через полчаса снизится на 40 процентов!

...гигантский музей-аквариум построен в Гдыне [Польша]! Музей возведён на дне моря и представляет собой трёхэтажное здание из стекла и бетона. Посетители будут ходить в нём, как по морскому дну, в окружении всевозможных рыб, водорослей и коралловых рифов.

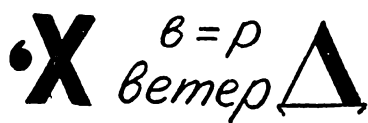
КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Кушанье из крупы. 3. Длиннохвостый попугай. 6. Явление, возникающее при проникновении в атмосферу твёрдых частиц. 7. Морская птица отряда веслоногих. 8. Сахаристый сок, выделяемый медовыми желёзками растений. 11. Неподвижная корпусная часть машин или механизмов. 14. Устройство для запираения. 15. Город во Франции. 16. Отрицательно заряженный электрод источника тока. 17. Насекомоядное млекопитающее.

По вертикали. 1. Открытая комнатная печь. 2. Представитель, выполняющий поручения. 3. В древнеримской мифологии богиня утренней зари. 4. Месяц. 5. Род растений семейства яблоневых. 9. Сладкое блюдо из фруктов. 10. Одновременное сочетание нескольких звуков различной высоты. 12. Круговой цилиндр, могущий свободно вращаться вокруг своей оси. 13. Сорт яблок. 14. Письменное изображение звука или какого-нибудь другого элемента звучащей речи.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

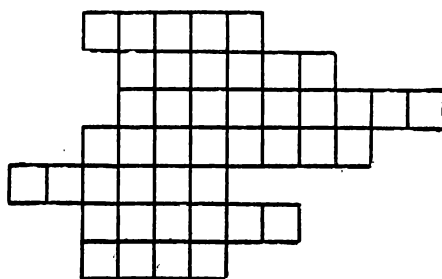
Какое слово зашифровано в этом ребусе?

Отдел ведёт Вадим Акентьев

СИНОНИМЫ

Постарайтесь отыскать семь слов, каждое из которых могло бы служить синонимом выражения «очень много», и впишите их в горизонтальные клетки.

СОСТАВЬТЕ ПОСЛОВИЦУ

Дано восемь пословиц.

Взяв из каждой по одному слову, составьте еще одну пословицу.

Тяжко тому жить, кто от работы бежит.

На чужой стороне Родина милей вдвойне.

Все — за одного, один — за всех.

Умелые руки — надёжные в людях поруки.

У своего гнезда и ворона орла бьёт.

Кто работы не боится, у того она и спорится.

Что есть — вместе, чего нет — пополам.

Не сиди сложа руки, не будет скуки.

ПО ТРИ БУКВЫ

Дано восемь слов:
весло, мандолина, продоволь-
ствие, середина, нонет, Днепропет-
ровск, обеспечение, видимость.

Выбрав из каждого слова три
смежные буквы, составьте из них
пословицу.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 9)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Отара. 4. Сталь.
9. Калька. 10. Унисон. 11. Регата. 13.
Кессон. 14. Ангар. 17. Селен. 21. Кор-
сар. 22. Реглан. 23. Ледник. 24. Кли-
нок. 25. Устав. 26. Кница.

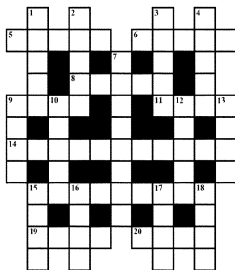
По вертикали. 2. Телега. 3. Раке-
та. 5. Тендер. 6. Лосось. 7. Скарб. 8.
Анонс. 12. Анкер. 13. Капер. 15. Ска-
ла. 16. Градус. 17. Сатира. 18. Ней-
лон. 19. Сланец. 20. Шняк.

МЕХАНИЗМ

Вал В вращается по часовой
стрелке.

КРОССВОРД

Ответ смотри на рисунке.

В «Искорке» № 9 допущена опечатка. На странице 14 третий абзац сверху и слева
следует читать: «Есть и более сложные — МНОГОЧЛЕННЫЕ...»

Содержание

Самоцвет. Стихотворение Е. Фей- ерабенда	1
До последнего шага... Очерк А. Беляковой	2
Трудный месяц май. Продолже- ние повести И. Миксона . . .	12
Пират. Стихотворение Семёна Когана	29
Великан. Стихотворение Яны Кане. Климат. Стихотворе- ние Ларисы Мягковой. Сол- нечный день. Стихотворение Сюзанны Кулешовой. На сте- кольном заводе. Стихотворе- ние Миши Каца. Детский вопрос. Стихотворение Ната- ши Яценко	30
Планета Сто одиннадцать — двести. Пьеса Валерия Во- скобойникова	32
Водолаз. Рыбы. Стихи Льва Кукулина. Монтер. Стихотво- рение Е. Русакова	43
От петровских до василеостров- ских. Статья Вадима Бело- усова	44
Когда заговорил «Великий не- мой»... Очерк Эд. Аренина . .	50
«Байконур» в Ленинграде. Очерк С. Липчина	57
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки: рису-
нок Ю. Бочкарёва «До свиданья!
До свиданья! Прилетайте к нам
опять!».

На 2-й странице обложки: фото-
этиюд М. Дмитриева «Хозяева колёс».

На 3-й странице обложки «Со-
здатели «Байконура» — Женя Дер-
жавич, Серёжа Кисин, Серёжа Аб-
рамов, Лёша Жила и Володя Ми-
хайлов. Фото В. Мелешенко.

На 4-й странице обложки: рису-
нок-загадка П. Вискова

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 12-87-55.

Сдано в набор 2/IX 1974 г. Подписано к печати 16/X 1974 г. 4 п. л.
М-21508. Зак. № 845. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57.

КТО В КВАРТИРЕ КАКОЙ ЖИВЁТ ?
 КТО ВНИМАТЕЛЬНЫЙ — ТОТ НАЙДЁТ .